ДМИТРИЙ ПШЕНИЧНЫЙ

ПРЕВОСХОДСТВО

Дмитрий Пшеничный
Превосходство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22036662
ISBN 9785448338205

Аннотация

Конец XVII века. Эпоха великих географических открытий. «Золотой век пиратства» в Карибском море. Могущественные Англия и Испания ведут борьбу за контроль над миром. Испанцы в шаге от победы: им удалось установить местонахождение легендарных сокровищ Атлантиды.Наши дни. Молодой учёный изучает старинный дневник пирата. По слухам, незадолго до смерти, автору записей удалось ближе других подобраться к РАЗГАДКЕ ТАЙНЫ…

Содержание

Т.Д. 5
Пролог 7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 11
1692-й год… 11
Глава I 12
Глава II 32
Глава III 48
Конец фрагмента 1 82
Глава IV 90
Глава V 124
Конец ознакомительного фрагмента. 144

Превосходство

Дмитрий Пшеничный

© Дмитрий Пшеничный, 2018

ISBN 978-5-4483-3820-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Т.Д.

И вот Ты читаешь мою Тетрадь. Наконец. Мне долго пришлось ждать.

Я не знаю, кто Ты и откуда. Не знаю, от мужского Ты рода или от женского. Мне неведомо, какой теперь Месяц и Год. Сколько мне пришлось ждать? Сотню лет? Две Сотни лет?

Я смею полагать, обитаемый Мир теперь сильно отличается от моего. Смею думать, многое я нашёл бы удивительным в твоём Мире, но это теперь не имеет решительно никакого Значения. Только Одно имеет Значение. Мне понадобится Помощь, и волею Судьбы, это будет твоя Помощь.

Не думай, что я прошу задаром – мне есть, чем Тебя вознаградить. Я хорошо знаю: Тебя не прельстили бы ни моя низкая Персона, ни моя заурядная История, если бы ни вселенская Тайна, сокрытая в Листах этой Тетради. Всё, что Тебя интересует – это Ключ. Ну конечно, чего скрывать, Ты здесь из-за него. Ты хочешь найти то, что удалось найти мне. Ключ этот искали в моё Время. Уверен, его так же ищут и теперь. Те алчные, что Следом идут за Тобой, они так же шли за мной. Тебе нужны Ответы, чтобы первым оказаться у Сокровища, и догадываешься, в чём заключена Хитрость?

Да… Сквозь Сотни лет я почти слышу, как часто у Тебя забилось Сердце. Во Рту у Тебя образовалась Сухость, а Ладони стали влажными.

Да, у меня есть Твои ответы.

Но вот что меня тревожит – мог я допустить Ошибку? Могла эта Тетрадь достаться Тебе волей Случая, и ты даже не подозреваешь, о чём тут сказано?

Даже если так, теперь слишком поздно. Ни Тебе, ни мне больше не приходится выбирать. Судьба свела нас воедино, и если нам суждено выбраться, то мы сделаем это вместе.

Проклятье! Не знаю, как твоё, а моё Время на Исходе. Они уже близко, я знаю это. Я чувствую их, знаю, что они придут за мной. Подозреваю, что и у тебя Времени немного, а значит торопись.

Но заклинаю Тебя, будь осторожнее! Отыскать Ключ нелегко, и не дай себе Соблазн иное принять за Ключ. Иных Искателей я отводил от Ключа, но Тебе нужно избежать Ошибок.

Моё Время сочтено. Сегодня Всё будет кончено. Они уверены, что победили меня, и они правы.

Чего они не знают, это того, что для окончательной Победы, им ещё предстоит победить Тебя.

Пролог

Шёл проливной дождь. Тяжело дыша, весь грязный, в изорванной в клочья одежде человек бежал через лесную чащу. Он пробивался через ветки, спотыкался, падал в хлюпающую грязь и снова бежал. За ним по пятам, гневно лая, гнались собаки. Вслед за собаками мчались всадники.

Серый дождь заливал лес. Краски смешались в одну серо-зелёную, серо-коричневую гамму. Беглец чувствовал, что силы оставляют его. Тяжёлыми, дрожащими от изнеможения руками он раздвигал густые заросли впереди себя, когда наконец увидел показавшийся из-за деревьев просвет. Из последних сил, почти валясь с ног, он ринулся туда, но был вынужден резко остановиться. Чёрная мокрая земля посыпалась вниз в бездну из-под его сапог.

Чуть было не потеряв равновесие и не упав, мужчина обнаружил, что находился теперь на краю глубокого оврага. Нависнув над его краем, он с надеждой в глазах посмотрел вниз – ложбина была глубокой, футов тридцать, а в ширину и того больше. Стенки и дно оврага сплошь и поперёк усеяны корягами и острыми ветками. Они торчали из земли, как смертоносные колья, готовые вмиг пронзить любого, кто осмелится потревожить их покой.

Несчастный понял, что загнал себя в ловушку. Даже если бы ему чудом удалось спуститься так, чтобы не перело-

мать ноги, предстояло ещё взобраться назад, на практически отвесную земляную стену, что не представлялось посильной задачей.

В тот же момент, когда он это только подумал, на него бросилась собака, потом другая. Они грызли его спину, рёбра, он пытался отбросить их, но тщетно, собаки накрепко вцепились в него и не собирались отпускать. Он сбился в клубок и пытался закрыть голову руками.

Человека спасли громкие хлопки. Сквозь боль и туман он слышал топот копыт, нервную перекличку. Он слегка приподнял окровавленную голову и увидел четырёх всадников. В руках у них дымились пистолеты. Всадники отогнали собак и пришпорили коней. Один из них подъехал ближе к лежавшему на земле. Одежда на несчастном была совершенно растерзана, сквозь грязную рубашку зияла кровавая рана.

– Это конец, мой добрый приятель, – растягивая слова, произнёс всадник. – Ну же, поднимайся! Земля сырая.

Всадники вокруг засмеялись. Беглец попытался встать. Он неуклюже распластался на животе, а затем, уперевшись головой, медленно поднял туловище. Его шатало. Весь измазанный в земле и крови, он попятился к оказавшемуся за ним обрыву и только теперь вспомнил о нём. Глаза беглеца судорожно искали путь к отступлению, но не находили ничего, кроме лиц злобно скалящихся всадников и брызгающих слюной собачьих морд.

Ранее говоривший всадник вытащил пистолет и направил

его на беглеца. Лицо последнего было мрачным, но во взгляде его не было того животного страха, который присущ большинству осуждённых на казнь в последние мгновения их жизни. Казалось, человек этот уже смирился с уготованной ему участью и был готов мужественно встретить её.

Всадник направил дуло оружия в грудь мужчины, а затем ехидно улыбнулся:

– Прощай, добрый приятель. Мы многим тебе обязаны.

– Ты пустое место, Гай. Ты кончишь в канаве, – с едва различимой дрожью в голосе огрызнулся приговорённый.

– Ну, Том, эти джентльмены свидетели – если кто и подохнет в канаве, так это ты!

С этими словами грянул выстрел. Пуля ударила с такой силой, что беглец рухнул наземь, как подкошенный. Из-под грязного жилета начала вытекать густая тёмная кровь.

– Дайте мне ещё пистолет, – потребовал всадник, которого убитый называл Гаем.

– Порох совсем отсырел, – отозвался один из его спутников, – не погода, а полная чертовщина!

– Ладно, дьявол с вами! Жак, взгляни на него поближе.

Кругленький француз слез с лошади и подошёл к трупу. Несколько раз ударив по телу ногой, он обернулся к Гаю и равнодушно констатировал:

– Мертвец. Ты ему в самое лёгкое засадил.

– Вот и славно, – удовлетворённо пробормотал Гай. – А теперь сбрось тушу вниз.

Жак ухмыльнулся и, не желая пачкать руки, начал потихоньку сдвигать труп сапогом. К его облегчению, земля была чрезвычайно скользкой, а убийство произошло у самого края оврага, так что больших усилий не потребовалось. Через мгновение бездыханное тело с треском полетело вниз и распласталось на самом дне ложбины.

– Дело сделано, волки, двигаем! – скомандовал Гай и поскакал прочь, а за ним последовали и его компаньоны.

Ливень усиливался и вскоре переродился в настоящий шквал. Огромные толщи воды обрушились на лесной овраг и лежавший на его дне труп, который вскоре настолько смешался с землёй, грязью и водой, что вряд ли был бы замечен даже в том маловероятном случае, если бы какой-нибудь безумный путник внезапно оказался в этой глуши.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1692-й год…

Глава I
Хрупкость материи

В то утро, а это была суббота, седьмое июня, в Порт-Ройале, как и на всей Ямайке стояла типичная для начала лета погода, что, впрочем, не делало её менее привлекательной. В восьмом часу жара была ещё не столь изнуряющей, какой она должна была стать к обеду, чем вовсю пользовались люди на берегу. Несколько мужчин на пристани оживлённо спорили, пытаясь определить, достаточно ли надёжно закреплены вверенные им ящики. Юная мисс, застывшая чуть поодаль, засматривалась на величественные силуэты стоящих на рейде кораблей, и, казалось, совсем не слушала того, что пытался донести до неё прыгающий рядом светловолосый джентльмен. Он, в свою очередь, считал произносимую им речь невероятно важной, и очень переживал, не замечая ни малейшего интереса в лице спутницы.

Губернатор Уайт, которому после нескольких мучительных бессонных ночей, наконец, удалось выспаться, в момент выхода на балкон своей спальни был чрезвычайно доволен собой, погодой и всем окружающим миром.

Облачённый в камзол из бордового атласа, его превосходительство подошёл к железному бортику и жадно вдохнул. Тропический воздух был влажный и полный утренней свежести. Спустя мгновение, Уайт выпрямился, широко раски-

нул руки и закрыл глаза. Солнце нежно ласкало, и губернатор в какой-то момент будто вновь оказался внутри своего волшебного сновидения. В нём он мальчишка лет десяти, играющий с куклами на крыльце отцовского дома, что в девяти милях от Портсмута. А вот и белокурая Эмили, дочь мистера Фитча, бывшего соседом Уайтов с незапамятных времён. Девочка улыбается и с интересом смотрит за мальчуганом, её золотые кудри играют красками в ярком солнечном свете…

Приятные воспоминания губернатора прервал чужеродный звук, похожий на быстрый человеческий шаг. Звук угрожающе усиливался, и его превосходительство нехотя приоткрыл глаза. По мощёной дорожке, ведущей к парадному входу в дом, стремительно двигалась высокая фигура. Уайт прищурился, но опознать фигуру не смог. Определённо это был человек, ранее не встречаемый его превосходительством, ведь губернатор отличался поистине выдающейся зрительной памятью.

– Джон!

Этот голос был хорошо знаком Уайту, что несказанно обрадовало губернатора. В конце концов, кто бы ни был незваный гость, общение с ним на пару с сэром Уильямом Хоули было куда менее пугающей перспективой, чем если бы это пришлось делать в одиночку.

Джон Уайт ещё раз глубоко вдохнул, а затем развернулся и вошёл в комнату. Хоули уже ждал его, и на лице Уайта

проявилась едва заметная улыбка. Спустя мгновение, Уайт неожиданно для себя заметил, что лицо его старого друга, всегда сияющее и излучающее безмерную любовь к жизни, на этот раз выглядело хмурым.

– Что это за человек? – нервно спросил Хоули.

– Доброе утро, Уильям. Как вижу, вы, с каждым днём, навещаете меня всё раньше и раньше.

– Оказывается, что не я один. Так кто этот человек? – сэр Уильям повторил свой вопрос.

– О ком вы говорите?

– Бросьте валять дурака, Джон. Если вы стояли на балконе, вы должны были увидеть его первым, ещё раньше меня.

– А, вы про того… Я не знаю, Уильям. Откуда мне знать? – вопрос Уайта прозвучал несколько риторически и вряд ли пришёлся по душе даже самому губернатору.

– И часто вас навещают неизвестные, о визите которых вас даже не предупредили? Похоже, вы стали слишком халатно относиться к своей жизни, Джон.

– Перестаньте, друг мой… Я представляю королевскую власть, а вы говорите так, словно мы находимся где-нибудь в тёмном притоне.

– В том-то и дело. Вы представляете власть, и вам ли не знать, что за проходимцы шляются по Порт-Ройалу. И каждый из них, будь его воля, счёл бы за честь лично познакомиться с вами.

В тот же миг, как только Хоули договорил, в дверях по-

явился негр, гладко выбритый и одетый по европейской моде.

– Благородный господин прибыл. Он ожидает вас в гостиной, – объявил слуга на хорошем английском, но с сильным африканским акцентом.

***

Высокий мужчина одиноко сидел в большом прохладном зале, где обычно принимал своих посетителей губернатор Порт-Ройала. Из одежды он снял лишь широкополую шляпу с красным пером, которую теперь и перебирал в руках. Последние были покрыты чёрными перчатками, которые плохо шли к серому плащу и бриджам, и будто являлись частью другого наряда. Под расстёгнутым плащом виднелись жилет и рубашка.

Дорогой качественный покрой, общая элегантность и почти незаметный загар на лице ясно указывали, что посетитель был чужаком в Индиях. В своём излишне аккуратном для здешних мест костюме гость смотрелся вызывающе, и не понравился даже попугаю.

Сидевший в клетке напротив, лиловый попугай его превосходительства как будто разделял всеобщее недовольство нежданным визитом. Он беспокойно бился о решётку и время от времени яростно кричал, как бы требуя немедленно избавить его от общества разодетого франта.

Когда Джон Уайт и сопровождавший его сэр Уильям появились в комнате, незнакомец попытался встать со своего места, но губернатор жестом остановил его. Мужчина покорно вернулся в исходное положение, и Уайту на секунду показалось, что сделал он это с чуть большим трудом, чем потребовалось бы обычному человеку.

Его превосходительство и сэр Уильям расположились напротив гостя, и губернатор поймал глазами негра, застывшего на лестнице. Уайт сделал ему жест, слуга кивнул и поспешно удалился. Тогда Уайт повернулся лицом к посетителю и заговорил:

– Итак, раз уж вы пришли ко мне в такой час, полагаю, в представлениях с моей стороны нет нужды. Но я, к сожалению, пока ничего не знаю о вас.

Гость выдержал паузу, будто всматриваясь в лицо собеседника. Это заставило губернатора поёжиться. Он переглянулся с сэром Уильямом, но призвать старого друга на выручку не успел – незнакомец прервал молчание:

– Меня зовут Томас Нэш. Рад познакомиться с вашим превосходительством.

– Что ж… Ну а это мой близкий друг и, в некотором роде сослуживец, сэр Уильям Хоули, – Уайт указал на сидящего рядом грузного мужчину.

– Приветствую вас, – холодно отозвался Хоули.

Посетитель бросил быстрый взгляд на Хоули, едва заметно кивнул, и вновь обратился к губернатору:

– Ваше превосходительство, я могу поговорить с вами наедине? Дело, порученное мне, стоит особняком от всех прочих и должно храниться в тайне.

Джон Уайт рассмеялся:

– Мистер Нэш, послушайте, такие как вы приходят ко мне на каждой неделе и каждый раз их дело – самое важное дело на всей земле. Так что если…

– …Тем не менее, в данном случае речь идёт кое о чём особенном, – оборвал его Томас. – Смею сообщить, что я действую по личному распоряжению его светлости герцога Бофорта.

Сэр Уильям изменился в лице. Его физиономия теперь выражала нечто среднее между страхом и гневом. Губернатор Уайт перестал улыбаться. Тон, с которым он продолжил свою речь, стал куда более вежливым:

– Что ж, мистер Нэш, в этом случае вы должны немедленно приступить к изложению сути дела. Если вы доверяете эту информацию мне, то я ручаюсь, что вы можете без опасений доверить её и светлейшему сэру Уильяму.

Нэш с недоверием посмотрел на Хоули, который всем видом попытался показать, что он – человек, достойный хранить секреты любой степени важности. Надо сказать, в этом стремлении он немного перестарался, и оттого незнакомому человеку показался бы куда более подозрительным, чем был на самом деле.

– Хорошо, если вы настаиваете, – вздохнул Нэш, – потому

что времени у нас мало. Вы, конечно, слышали об испанском «Платоне»?

– Платон, если мне не изменяет память, был греком, а не испанцем, – вставил Хоули.

Нэш зловеще ухмыльнулся, и сэр Уильям быстро понял, что ему не стоило говорить этого.

– Я говорю не о философе, а об испанской королевской экспедиции. Хотя, если взглянуть с другой стороны, Платон тоже может иметь к ней отношение.

– Экспедиция испанцев… Полагаю, я знаю, о чём вы. По слухам, они вкладывают в неё десятки тысяч, пытаясь найти мифические сокровища. Ха! Эти католические болваны, верно, думают, что в итоге их затраты окупятся, – произнёс Уайт.

– Более чем десятки тысяч, ваше превосходительство, – поправил его Нэш. – Затея с их стороны действительно безумная, но видимо при дворе короля Карла[1] считают, что успех может вернуть Испании былую мощь и остановить падение.

– Католики умом никогда не отличались, – буркнул сэр Уильям.

– Вам также должно быть известно, – продолжал Нэш, – что исследования в этой области ведут не только испанцы.

---

[1] Речь идёт о Карле II (также известном как Околдованном), короле Испании с 1665 по 1700 годы.

Людовик[2] тоже организовал подобную операцию.

– Амбиции французского короля в последние годы хорошо знакомы всему христианскому миру, – грустно выдохнул Уайт.

– Говорят, интересы в этой области есть и у влиятельных людей из Соединённых Провинций, из Бранденбурга, Пруссии, и даже из Швеции. Словом, у всех, у кого есть деньги.

– А что же наша старая добрая Англия? – поинтересовался губернатор. – Ведь вы, как я смею предположить, были в Европе не так давно, в отличие от нас с сэром Уильямом.

– Я прибыл из Бристоля сегодня ночью, ваше превосходительство. А ваш вопрос как раз и является целью моего визи…

Нэш не успел договорить, когда внезапно раздался ужасный грохот, похожий на тот, что бывает во время летней грозы, только во много раз сильнее. Все трое встрепенулись и мгновенно вскочили со своих мест, и тогда губернатор вновь заметил, что движения Нэша были не вполне естественны. Впрочем, неуклюжесть его гостя на тот момент интересовала Уайта меньше всего, в отличие от природы страшного звука, свидетелями которого они только что стали. Томас первым прервал наступившее гробовое молчание:

– Что это было?

– Должно быть, гроза… – отозвался сэр Уильям.

– Но всего с десяток минут назад небо было абсолютно

---

[2] Людовик XIV де Бурбон, король Франции и Наварры с 1643 по 1715 годы.

ясным, – возразил Уайт и направился к парадным дверям, ведущим во внутренний двор резиденции.

Нэш перевёл взгляд на широкую лестницу, соединявшую галерею бельэтажа с залом этажа земного, где они и находились, и увидел негра, несущего поднос с тремя чашками. Внимание Томаса было полностью сконцентрировано на спускающемся по ступенькам слуге, и на мгновение время как будто остановилось.

Вы когда-нибудь задумывались о том, что может произойти за ту сотую секунды, пока вы моргаете?

В большинстве случаев – немногое. Но в тот миг, когда веки Нэша вновь открылись, он увидел чудовищную картину – огромный губернаторский дворец, всё гигантское здание разом пошатнулось. Это было похоже на один точечный удар, но удар такой силы, что заставил каменные стены ходить ходуном, будто они были сделаны из песка или соломы. Несчастный чернокожий, нёсший поднос, кубарем полетел вниз. Нэш услышал, как вскрикнул стоящий неподалёку Уайт, но крик этот был моментально заглушен мощнейшим грохотом, который, казалось, раздавался из самой земли. Здание вновь содрогнулось, и Нэш упал прежде, чем в его голове проскользнула хотя бы одна мысль.

В повседневной жизни, будь это падение на льду или оттого, что споткнулся на ступеньке, Томас наверняка ещё долго лежал бы неподвижно, ведь он сильно ударился, больно стукнувшись затылком и всем позвоночником об каменный

пол. Первая его мысль была бы, что теперь он наверняка что-нибудь сломал, затем последовали бы упрёки самого себя в неуклюжести и невнимательности.

Однако в тот миг всё было иначе.

Первое, что он увидел, как только оказался в лежачем положении, было гигантской трещиной в потолке прямо над его головой. Хуже того, трещина эта увеличивалась прямо на глазах, и у мозга Нэша просто не было времени на размышления. Сработал величайший из человеческих инстинктов, инстинкт самосохранения, и именно в этом спасительном для любого живого существа состоянии оно способно на самые безумные, и кажущиеся невозможными в обычной жизни действия.

Нэш собрал всю свою волю в кулак и попытался подняться на ноги. С первого раза сделать этого не удалось – пол закачался, и он снова упал, теперь ударившись ещё и ребром. Вторая попытка стоила ему гигантского усилия, но увенчалась успехом. Нэш резко отпрянул в сторону, а с потолка над тем местом, где он только что лежал, посыпались каменные осколки.

Томас не знал и не хотел знать, что происходит. Он об этом даже не думал. Его единственной целью в ту минуту было найти выход из дома. Нэш ринулся туда, где ранее стоял Уайт, и увидел губернатора лежащим на животе. Уайт громко стонал. Первым внутренним позывом Томаса было рвануться к нему, дабы оказать помощь, и он наверняка сде-

лал бы это, но случай, а может быть и судьба, решили иначе.

Раздался ещё один ужасающий удар, и его энергия буквально отбросила Нэша на три фута в сторону. С оглушительным треском он ударился всем телом о нечто каменное и холодное. Вокруг всё начало становиться серым, от поднимавшейся со всех сторон пыли и осколков, но в глазах Томаса Нэша к тому моменту был только один цвет – чёрный.

***

Неизвестно, сколько именно Нэш пробыл без сознания, но можно предположить, что временной промежуток этот был крайне недолгим, ведь Томас всё ещё был жив, а в тех обстоятельствах, которые имели место вокруг него, это было явным достижением.

Первое, что он увидел, открыв глаза, едва ли было приятной картиной, но человеческая природа такова, что в критических ситуациях вы не обращаете внимания на подобные мелочи. Это было тело чернокожего, всё в грязи и крови с ног до головы. Нэш ногой отодвинул труп и внезапно понял, что встать ему не удастся – с момента, когда он был здесь в последний раз, архитектура губернаторского дома несколько изменилась.

Верхний этаж, судя по всему, обвалился, в некоторых местах полностью заблокировав проход, а в других – как в случае с везунчиком Нэшем – был остановлен выступающи-

ми элементами, такими как перила лестницы, под которыми и лежал Томас.

Нэш изо всех сил искал глазами источник света среди всепоглощающего серого облака песка и пыли и вскоре, к своему безмерному счастью, нашёл его. Футах в десяти от него находилось то, что раньше, по всей видимости, служило окном, но теперь было просто дырой в стене, наполовину меньше прежней рамы, будучи заваленной грудой камней.

Нэш умудрился изловчиться и поменять положение в пространстве, весьма узком и ограниченном. Перевернувшись на живот, он пополз под нависающими сверху каменными плитами, служившими в прошлом полом кабинета его превосходительства. Добравшись до заветной дыры, а её сложно было теперь назвать иначе, Нэш почувствовал, что силы оставляют его. В глазах опять начало мутнеть, ноги и руки налились свинцом, совершенно отказываясь даже на простейшее передвижение по-пластунски, не говоря о большем. Томас понимал, что ему предстоит совершить невозможное, а именно каким-то образом подтянуться и пролезть в образовавшееся отверстие. Зная тайну своей левой руки, Нэш был готов взвыть от отчаяния. Спасение было так близко и так далеко одновременно.

То, что произошло дальше, едва ли поддаётся какому-либо логическому объяснению. Говорят, человек способен на волшебство, лишь будь у него стимул. Так или иначе, Нэш явно относился к тем людям, о которых говорят «че-

ловек с железной волей». Сжав зубы и вложив все оставшиеся силы в этот рывок, Нэш вцепился перчатками в край выступа и подтянулся. Когда его голова оказалась снаружи, Томас ещё не замечал того, что происходило вокруг – он был полностью сосредоточен на подтягивании оставшейся части тела. И он сделал это, а мгновение спустя, свалился кубарем вниз – отверстие, через которое он выбрался, было в нескольких футах над уровнем земли.

Поднявшись на колени, Нэш принялся жадно глотать воздух. Он всё ещё ничего не видел и не чувствовал – всё его тело ныло от боли, но внутри было очень тепло. Его разум считал себя спасённым и ликовал. К несчастью для разума Томаса, да и для него самого, в действительности положение его в этот момент не только не улучшилось, но скорее наоборот – ухудшилось ещё сильнее.

Когда Нэш наконец встал и окинул взглядом развернувшуюся перед ним панораму Порт-Ройала, сладкое победное опьянение мигом исчезло.

Огромный двухэтажный дом из белого камня, служивший одновременно жилищем и резиденцией губернатора Уайта, располагался на возвышении, и выше него в городе была только колокольня центрального собора. Перед Нэшем, таким образом, оказался практически весь город. Город, считавшийся одним из богатейших и наиболее развитых поселений во всём Новом Свете. Приютивший более шести тысяч человек, называемый многими скептиками сердцем развра-

та на Земле, в те годы Порт-Ройал буквально кишел трактирами и публичными домами.

Порт-Ройал, знаменитый город, который купался в роскоши и грехах.

Город, которого больше не было.

Картину, развернувшуюся у Нэша перед глазами, наиболее точно характеризуют слова из христианской Библии. Два простых и понятных каждому верующему слова – Страшный суд.

Нэш пустыми глазами смотрел на погибающий Порт-Ройал. Никогда прежде он не видел и не слышал ни о чём более ужасающем, чем то, что сотворила природа в тот день. Вся прибрежная часть оказалась под водой – те постройки, что стояли прямо на песке у самого моря, в основном одноэтажные и сделанные из простого кирпича, буквально стекли в океан ещё при первых толчках. Несколько десятков судов самой разной оснастки и водоизмещения, нашедших пристанище в гавани главной английской колонии в Вест-Индии, здесь же нашли и свою гибель. Большинство из них оказались перевёрнуты – большая часть затонула сразу, а некоторые вынесло волной цунами на берег. Неуправляемые многотонные махины слились в диком ансамбле с крышами домов, круша и уничтожая всё на своём пути. Повсюду, где территория ещё не была захвачена всёсметающей морской стихией, в земле образовались гигантские расщелины. Во многих лежали окровавленные и изуродованные трупы людей

и животных, иногда полуживые, погребённые в этих братских могилах заживо. Иные тела болтались в воде: некоторые успели уцепиться за остатки крыш или надломившиеся мачты кораблей; других, у Нэша на глазах, уносило в пучину океана.

Вода прибывала с невероятной скоростью. Всего за несколько мгновений, которые Нэш посвятил осмотру гибнувшего на глазах поселения, грязная жижа уже начала потихоньку подбираться к его собственным ногам. Нэш сорвал жалкие лохмотья – всё, что сохранилось от элегантного плаща и жилета, и остался в одной рубашке. Отступать было некуда, разве что к той колокольне, по неизвестной причине упорно внушавшей Нэшу доверие – почему-то он был уверен, что вода ни за что не поднимется настолько высоко. По поводу нынешней дислокации такой уверенности у него не было, тем более что пока он размышлял, водно-грязевой поток не просто приблизился, а уже буквально окружал его сапоги.

Жалобно ковыляя, к тому моменту по щиколотку в воде, Нэш засеменил в направлении собора. Ещё издалека он увидел, что возле входа в храм столпились выжившие горожане, но массивные железные двери, судя по всему, были крепко заперты. Обезумевшие люди в панике колотили по вратам, неистово требуя впустить их внутрь. К чему они только не взывали в мольбах, но всё было тщетно. Нэш быстро понял, что люди, забаррикадировавшиеся внутри собо-

ра, не прониклись идеями Христа, а может попросту забыли о них, спасая свои собственные жизни.

Так или иначе, те, кто заперлись в церкви, открывать двери не собирались, а значит все, кто остались снаружи, включая Томаса, были обречены на погибель. В этот момент Нэш искренне жалел о своём решении вылезти из укрытия в доме губернатора. Побег из каменного плена стоил ему нечеловеческих усилий и всё ради того, чтобы вместо пыли и риска задохнуться или быть заваленным камнями, получить в качестве альтернативного палача воду, и в конечном счёте всё так же погибнуть.

Вода тем временем добралась уже почти до поясницы Нэша, а тем, кто пониже, до самой груди, и передвижение было серьёзно затруднено. Некоторые люди настолько отчаялись, что стали пытаться вскарабкаться на отвесную стену собора. Большинство из них срывались и падали в воду, больше никогда не появляясь оттуда, но некоторые особенно жизнеспособные смельчаки упрямо продолжали сражаться с судьбой. Нэш крайне скептически смотрел на карабкающихся по стене храбрецов, думая о том, насколько дерзким и нахальным существом нужно быть человеку, чтобы перечить смерти даже тогда, когда её разгромная победа уже очевидна.

Тем не менее, когда вода подступила теперь уже и к его шее, Томас, видимо снова под влиянием того самого инстинкта самосохранения, резко поменял мнение и принялся

делать то же самое – он пытался взобраться на стену колокольни, в тот момент казавшейся обречённым на гибель людям своеобразным Ноевым ковчегом и последним оплотом человечества.

И вновь, как и ранее в губернаторской резиденции, Нэш чувствовал в себе чьи-то чужие, абсолютно незнакомые и неестественные силы, и за неимением времени и возможности что-либо осознать, попросту судорожно пользовался ими. Карабкаясь по выступающим элементам англиканского орнамента, Томас мысленно благодарил архитектора, не сделавшего стены башни абсолютно гладкими, как это было бы в случае со многими другими христианскими постройками.

Когда до спасительной крыши оставалось всего чуть более нескольких футов, случилось то, чего Нэш никак не ожидал. Он постоянно оглядывался вниз, смотря на прибывающую воду, дабы не оказаться захваченным ей врасплох, когда внезапно услышал хруст сверху. Резко вскинув голову, он увидел, что самый ловкий из храбрецов, казалось бы, почти добравшийся до заветного креста, оступился или поскользнулся, и теперь висел на одной руке, едва держась за небольшой выступ на поверхности крыши. Нэш уже знал, что произойдёт дальше, и изо всех сил вцепился в кирпичи перед собой, пытаясь как можно сильнее прислонить туловище к стене.

Максимально втянув голову, он буквально вдавливался в стену всей своей массой. Будь она деревянной или хотя бы немного более хрупкой, Нэш точно проломил бы её

насквозь. Через мгновение последовал жуткий вопль, а затем удар. Томасу удалось сгруппироваться и принять тяжёлое падающее тело на спину – оно словно проскользнуло по Нэшу и камнем устремилось вниз, но самому ему удалось удержаться. Упрямый смертный, изо всех сил сопротивлявшийся предлагаемому ему вечному покою, обернулся вниз и увидел, что он оставался последним из всех тех, кто пытался взобраться на стену собора. Большинство срывались сами, а оставшихся несчастных сбросил в пучину неожиданный подарок с небес – стосемидесятифунтовая человеческая туша. Нэш подумал, что в этот момент все пытавшиеся вскарабкаться на крышу храма люди, вероятно, были ближе к Богу, чем когда-либо, и вся затея была весьма символичной сама по себе.

Самому Томасу между тем оставалось до купола ещё совсем немного – помня об ошибке предшественника, последние перемещения до самого креста он делал как можно более аккуратно, стараясь выбирать наиболее надёжные для хвата крепления. Наконец, он добрался до конструкции, веками символизировавшей христианство во всём мире, и возможно впервые, по-настоящему почувствовал истинное могущество креста. Охватив его правой рукой так, чтобы не соскользнуть с поверхности крыши, Нэш смотрел на то, что раньше было городом Порт-Ройал, и всем своим видом в действительности походил на Ноя, вероятно подобным же образом созерцавшего Всемирный потоп со своего

ковчега.

Нэш всё же не был единственным выжившим в этой природной катастрофе. Он видел, что на крышах нескольких особенно высоких домов, тех, что так и не ушли под воду, сидели люди. Другие спаслись на марсах корабельных мачт, третьи – на всевозможных обломках и досках, ставших своего рода плотами. Но в остальном картина разрушений была чудовищной. Стихия в буквальном смысле слова смыла с лица земли город, который ещё пару часов назад был одним из наиболее процветающих центров всей Английской Америки.

Нэш опустил глаза на левую руку и увидел, что кожаная перчатка на ней была изодрана в клочья. Резко стянув её, он с пустым выражением уставился на деревянный протез, хотя и сделанный по форме человеческой кисти, но всё же абсолютно неподвижный. Каким образом, имея протез вместо живой руки, ему удалось выбраться из резиденции Уайта? Хорошо, допустим, что он подтянулся при помощи одной только правой. Но Господи Всевышний, как же мог однорукий взобраться на семидесятифутовую колокольню, когда это не удавалось даже здоровым людям? Нэш понимал абсолютную невозможность того, что произошло и, тем не менее, он стоял на её черепичной крыше, и было совершенно очевидно, что это не сон или чья-то злая шутка. Объяснить подобное чудо он был не в силах, и оттого голова его разболелась ещё сильнее, разом напомнив обо всех пережитых

страданиях.

Нэш прислонился к кресту спиной и медленно аккуратно сел. Убедившись в неподвижности своей позиции, Томас облокотил голову о металлическую конструкцию и закрыл глаза. События последних часов полностью опустошили его. Всего через мгновение Нэш сомлел, в этом хотя и неудобном, но относительно безопасном положении.

Глава II
Беженцы

Нэш очнулся оттого, что яркие лучи солнца начали без всякого стеснения нагло светить ему прямо в глаза. Щурясь и стараясь увернуться от проникающего повсюду ослепительного света, он зашевелился и попытался поменять положение в пространстве. Это лихое движение едва не стоило ему жизни – забыв спросонья о реальных габаритах площадки, на которой он находился, Нэш чуть было не соскочил вниз, успев в последний момент ухватиться за крест.

Немного придя в себя, он постарался вспомнить, какие события предшествовали тому необычному факту, что теперь он оказался на верхушке городской колокольни. Воспоминания эти не были приятными, особенно вследствие того, что вместе с ними вернулась и тягучая ноющая боль практически по всему телу. Нэш плавно пододвинулся к краю своей обзорной площадки.

Город внизу представлял собой жалкое зрелище, будучи скорее похожим на древние и давно оставленные цивилизацией руины, чем на место, на котором ещё считанные часы назад располагался богатейший экономический и культурный центр Карибского архипелага. Воды, к удивлению Томаса, на этот раз оказалось значительно меньше. Затопленными в основном оставались нижние районы и места, где во-

да скапливалась, не имея прямого выхода, в то время как с участков, расположенных выше уровня моря, стихийный поток отступал.

Внезапно в голову Нэшу пришла не самая приятная, но своевременная мысль. Только сейчас он неожиданно задумался о том, что ему ещё предстояло решить серьёзную проблему – спуск вниз на землю. Зрачки Нэша расширились, и он начал судорожно оглядываться по сторонам, выискивая хотя бы одно спасительное решение. К его облегчению, вскоре оно было найдено. Единственным, хотя и весьма иллюзорным вариантом оказалась заполненная водой приличной площади расщелина, образовавшаяся с восточной стороны церкви, под самой её стеной, и напоминавшая теперь некое подобие небольшого грязного пруда. Нэш смотрел на неё со странным двояким чувством, возникшим вследствие неоднозначности ситуации: с одной стороны, этот новообразованный бассейн выглядел единственным, пускай призрачным, но всё же каким-никаким шансом на отступление; с другой… нет, вы же не думаете, что человек может настолько обезуметь, чтобы решиться на подобное?

В этот момент в поле зрения Нэша появились двое людей. Маршрут их был довольно причудлив – они словно бесцельно бродили вокруг, периодически останавливаясь и осматривая землю вокруг себя, а затем, быстро перекинувшись парой слов, вновь продолжали движение. Нэш попытался окрикнуть их, но мужчины то ли не расслышали его воплей,

то ли не считали нужным обратить на них внимание. Набрав в грудь как можно больше воздуха, Нэш сделал вторую попытку, выпалив мольбу о помощи так громко, что на этот раз не услышать её было просто невозможно. Один из бродяг остановился и приставил ладонь ко лбу, словно пытаясь рассмотреть, откуда доносился пронзительный крик. Нэш вновь чуть было не сорвался с крыши от радости – он приветливо замахал руками, улыбаясь во весь рот, и уже проворачивая в голове сцену спуска с колокольни с помощью принесённой спасителями лестницы. Реальность однако быстро вернула его к прежнему хмурому настроению – спутник остановившегося демонстративно махнул рукой, и через мгновение оба неспешно зашагали в противоположном от церкви направлении.

Нэш опустошённо смотрел им вслед. Те двое выживших были не одиноки в гуляниях по развалинам – с каждой минутой тут и там появлялись новые люди, но все они были словно отрешены от окружающего мира, будучи погружёнными в собственные невесёлые думы, и никому из них не было дела до оставленного умирать на верхушке собора человека. Нэш тогда пришёл к хотя и циничному, но весьма жизненному умозаключению о том, что окажись он на их месте, чудом спасшийся и переживший страшную трагедию, он точно так же вряд ли бы откликнулся на призывы чудака, кричащего с церковной башни.

Таким образом, выбирать больше было не из чего, и Нэш

вновь косился на наполненную водой гигантскую расщелину. Неожиданно пришедшее к нему воспоминание о том, как он ещё совсем недавно героически карабкался по отвесной стене храма, нарушая все мыслимые и немыслимые границы человеческих способностей, придало Нэшу уверенности.

Прошло какое-то время, и мутная от песка и земли вода с оглушительным звоном весело разлетелась брызгами во все стороны. На мгновение всё стихло – водная гладь постепенно успокаивалась, стараясь вернуть исконную неподвижность, когда в следующий миг вновь взорвалась изнутри, забрызгав всё вокруг ещё большим количеством капель. Из самого центра грязного водоёма вынырнул человек.

Не без труда, но всё же успешно выбравшись из лужи на землю, Нэш попытался встряхнуть почерневшие бриджи. Он вытянул руки и оценивающе посмотрел на себя. Его дорогой костюм, сшитый на заказ у одного из лучших лондонских портных, теперь представлял собой жалкое зрелище. Рубашка была порвана в рукавах, вдобавок настолько запачкана, что больше походила на некую коричневатую тряпку из неопределённой, но явно крайне дешёвой ткани, хотя в действительности была сшита из превосходного индийского шёлка. Не менее уныло выглядели и бриджи с чулками, тоже изорванные и измазанные в грязи. Нэш провёл рукой за пазухой, затем резко схватился за пояс. Только теперь он понял, что в ходе суматохи и неистовой беготни, он потерял все свои личные вещи: мешочек, под завязку забитый мо-

нетами самого разного веса и достоинства, многочисленные бумаги и письма, которые держал во внутреннем отделении жилета и взял для того, чтобы показать их Уайту…

Томас вспомнил, как он забыл их у себя и вернулся в каюту в самый последний момент, когда уже готовился сесть в шлюпку, что должна была доставить его на берег.

В каюту…

Лицо Нэша скривилось в неприятной гримасе, и он чуть было в отчаянии не закричал. Всё, абсолютно всё, что он имел, всё, что ему принадлежало, теперь покоилось глубоко на дне залива. Это и пара прекрасных шотландских пистолетов, и восхитительная фламандская рапира, изящные предметы гардероба, и главным образом все остальные денежные сбережения и векселя, которые Нэш не взял с собой при сходе на берег, ведь он рассчитывал вновь взойти на борт уже через пару часов. Обсудив дела с губернатором, он должен был вернуться на корабль и отобедать с капитаном Кеттлби. Нэш представил широкое и добродушное лицо капитана, и то, как они сидели бы сейчас в залитой светом просторной каюте «Благоденствия» и пили потрясающе вкусный ромовый пунш, который так любил Кеттлби…

Нэш взглянул на видневшиеся вдалеке, торчащие из воды верхушки мачт. Какая судьба постигла «Благоденствие» и его команду? Удалось ли капитану и его людям избежать гибели? Могли ли они спастись? Нэш задавался этими вопросами, а затем сам отвечал, словно пытаясь убедить

себя в реальности предложенных им доводов: «Они могли успеть спохватиться… Они могли покинуть судно и добраться до города…» Заканчивая мысль, он уже понимал её абсурдность и умом осознавал крайне низкую вероятность счастливого спасения людей, вместе с которыми он путешествовал долгие месяцы, преодолевая длинный и полный опасностей переход через Атлантику.

С головой погрузившийся в духовные терзания, Нэш был возвращён к реальности малоприятным назойливым шумом, доносившимся откуда-то со стороны. Подняв глаза, он увидел четверых оборванцев в нескольких ярдах от себя – мужчины толпились вокруг странного длинного предмета, неподвижно лежавшего на земле, и оживлённо переговаривались. Нэш подошёл ближе и вскоре понял, что предмет был ничем иным как человеческим телом, одним из несчастных, кому не суждено было пережить этот страшный день. В руках одного из кружащих над трупом коршунов появился нож. Раздался тупой рубящий звук, вроде того, что услышишь на скотобойне, и мужчина торжественно продемонстрировал товарищам свежедобытый трофей – человеческий палец с кольцом, сапфир на котором блестел настолько ярко, что затенял капающую с мяса кровь. Бродяги вокруг оказались сильно воодушевлены успехом приятеля, и принялись в свою очередь шарить по карманам убитого, пытаясь найти хоть что-нибудь ценное.

Нэш приблизился к ним в момент, когда с трупа уже было

снято практически всё вплоть до штанов. Их, как ни странно, решили оставить – в отличие от туфель, пояса, рубашки и камзола, они оказались слишком грязными. Томас окликнул одного из мародёров и справился о том, какой был день и сколько часов прошло с момента, когда земля Ямайки разверзлась. Мародёр, торопливо кидавший находки в мешок, бросил на него недобрый взгляд, помялся, но в конечном итоге снизошёл на ответ:

– Сейчас уж около полудня.

Около полудня! Нэш изумлённо смотрел убегающему воришке вслед. Это означало, что на крыше колокольни он пробыл почти сутки. Должно быть, виной тому послужила нечеловеческая усталость, как следствие всех бед и потрясений, комом навалившихся на него.

Нэш продолжал идти вперёд, не имея ни малейшего представления о том, куда и с какой целью он шёл. По пути он встречал разреженные группы выживших, оставшихся без надзора и творивших теперь самые нехристианские кощунства, на которые только способен обезумевший от алчности и вседозволенности человеческий ум.

Мародёры брали всё, что попадалось им на глаза, и что возможно было достать – они вламывались в обветшавшие и оставленные жителями дома, обчищали до нитки каждый склад и амбар. Похожая на окольцованного несчастного судьба ждала и многие другие тела, лежавшие буквально повсюду – казалось, весь город представлял собой одно огром-

ное ратное поле, усеянное разноцветными трупами, облачёнными в пышные наряды самого разного достоинства – жители Порт-Ройала любили яркие краски.

Нэш был чужим на этом празднике жизни. По неизвестной причине, та разбойничья вольница, что развернулась на городских улицах, нисколько его не интересовала. С поникшей головой он бродил по опустевшей торговой площади, ещё вчера шумной и тесной от множества лавочек, торговцев и покупателей, приходивших сюда. Присев на останки чего-то вроде стола, установить прежнее назначение которого теперь не представлялось возможным, Нэш уставился перед собой. Мысли у него в голове перемешались и находились теперь в беспорядочном состоянии. Он не мог уцепиться ни за одну из них и не знал, что предпринять дальше – предложений крутилось множество, но они появлялись и исчезали с такой скоростью, что Нэш попросту не успевал их как следует обдумать.

Неизвестно, сколько ещё он просидел бы в подобном бездействии, если бы не внезапно выбежавшая на площадь молодая женщина. Она кричала так пронзительно, что не могла ни привлечь внимания всей округи. Округой этой оказался один лишь сидевший неподалёку Нэш. В очередной раз нагло выдернутый из своего внутреннего мира, он поднял голову и увидел, что девушка появилась не одна – вслед за ней на площадь выскочил непримечательного вида босяк, до костей худой, одетый в лохмотья. Наряд девушки тоже не по-

ражал воображения – одета она была просто и вульгарно, и в отличие от большинства одевавшихся подобным образом женщин, ткани были дешёвыми, а цвета блёклыми. Что по-настоящему выделяло её из всех тех, кого Нэш видел в течение сегодняшнего мрачного дня, были пышные кудри пламенно-рыжего цвета. В сочетании с зелёно-жёлтыми глазами и усыпанном веснушками лицом, девушка походила на маленькую ведьму, какой её рисовали в детских сказках.

Томас внимательно наблюдал за этим любопытным созданием, когда прямо у него на глазах босяк со всей силы толкнул девушку на землю. Упав, она выставила руки над собой.

– Дьявола на твою голову, я же сказала, что сегодня не работаю!

Босяк похотливо заулыбался.

– Придётся поработать, киска, – произнёс он слащавым голосом.

– Иди к чёрту, болван! Даже если бы я работала, у тебя не хватило бы денег, – язвительно отозвалась девица.

Но стоявший над ней оборванец и не собирался отступать. После её слов он заулыбался ещё сильнее, а затем медленно проговорил:

– Какая жалость… Ничего, я потом отдам…

Он бросился на неё, как голодный зверь бросается на беззащитную жертву. Девица пыталась сопротивляться и между ними завязалась борьба – она кусала его за руки и всячески брыкалась, но насильник постепенно одерживал верх,

медленно, но верно продвигаясь к цели. В какой-то момент её оборона ослабла, и когда босяк уже был готов осуществить свою грязную затею, он внезапно почувствовал то, чего в такой момент ожидал меньше всего – сокрушительный удар в голову чем-то тяжёлым. Корчась от страшной боли, мужчина свалился с тела девицы. Последняя быстро вскочила на ноги и, поправив платье, с глупым видом уставилась на спасителя. Нэш, будучи в ни менее жутковатом, чем у оборванца, обличье, в ту минуту едва ли походил на красивого принца из баллад, и рыжая девица смотрела на него с явно выраженным недоверием, будто опасаясь печально известного попадания из огня в полымя. Незнакомец однако был чудак. Он протянул ей руку:

– Томас Нэш. Надеюсь, вы в порядке, мисс…

– Бекки. Для друзей просто Бек.

– Что ж, Бекки… Полагаю, мне следует проводить вас. Здесь небезопасно, – произнося это, Нэш уже понимал, что говорил несусветную глупость. Проклятое воспитание! Иногда оно было сильнее здравого смысла.

– Что?.. Парень, у тебя горячка что ли? – грубо ответила Бекки.

Нэш смотрел в её круглые, ещё совсем детские глаза, цвет которых теперь казался ему скорее зелёным. Черты её лица не были красивыми – на простое происхождение указывала и довольно грубая кожа, и смешной, несколько неестественный крючковатый нос.

Внезапно Бекки прервала повисшее молчание, издав короткий нечленораздельный звук. Её глаза смотрели Нэшу за спину, он спешно обернулся. В тот же момент, толком не успев ничего разглядеть, он получил резкий удар в лицо. Упав на землю, он попытался как можно скорее подняться на ноги, но оказался вновь повален навзничь – худые жилистые руки уже обвили шею и теперь с огромной силой сжимали её.

Нэш чувствовал, что задыхается. Он пытался что-то предпринять, но тщетно – захват был таким, что вырваться не получалось. Борясь фактически одной правой рукой, в какой-то момент он неожиданно почувствовал левую. Неимоверным усилием вырвав её из-под противника, он принялся лупить его по рёбрам деревянным протезом так, будто орудовал настоящим живым кулаком. Эффект превзошёл ожидания – Нэш почувствовал, как хватка врага стремительно ослабевает. Мгновенно воспользовавшись этим, он отбросил оборванца ногой. Противник упал на бок, казалось уже вконец признавший своё поражение и больше ни на что не претендуя, но Нэш и не думал останавливаться. Ловким прыжком, словно могучий лев, он набросился на поверженного оппонента и принялся изо всех сил колотить его обеими руками. Спустя пару мгновений всё было кончено. Нэш взял окровавленную голову босяка за волосы и в возбуждении машинально приподнял её, подобно древнеримскому гладиатору, демонстрирующему голову поверженного соперника

зрителям.

Затем он встал и ещё раз со всей силы пнул бездыханное тело. Потом повернулся к Бекки – она стояла в стороне и оттуда наблюдала за разыгравшейся сценой.

Нэш двинулся к ней решительным шагом, полным силы и выправки опытного моряка. Выражение его лица было свирепым и угрожающим.

Вдруг он как будто споткнулся и с грохотом, как подкошенный рухнул на землю.

***

Нэш лежал на спине и смотрел на безоблачное синее небо, ощущая боль по всему телу, среди которой теперь уже невозможно было определить ни вчерашнюю, ни сегодняшнюю – вся она перемешалась и представляла собой один вечно ноющий фон. Но не болевые ощущения занимали его, а те странные метаморфозы, которые он замечал за собой в последние два дня. Имели ли они место и раньше, и он просто не замечал их, не попадая в критические ситуации и не имея возможности столкнуться с ними? Или же он всё выдумал, и дело было в той самой силе воли и пресловутой тяге к жизни, которая способна сподвигнуть на чудеса любого человека?

Перед его глазами появилась хрупкая рука, очевидно протянутая ему, чтобы помочь подняться. Нэш надменно улыбнулся и попытался встать самостоятельно, но сделать этого

ему не удалось. Беспомощно треснувшись об землю, он беспокойно взглянул на ноги. Странно, но он будто вновь потерял все свои силы, которыми только что успешно пользовался в схватке, и опять превратился в немощного старика. Нэш поднял глаза на Бекки и увидел, что она также была не на шутку взволнована. Должно быть, со стороны эта ситуация выглядела ещё более мистически. С третьей попытки Томасу всё-таки удалось встать. Слегка отряхнувшись и смахнув землю, он бросил взгляд на девушку и медленно произнёс:

– Спасибо, Бек. Я в порядке.

Бекки как будто ждала этих слов и мгновенно повеселела.

– Хорошо, что хорошо кончается. Ладно, парень, пора разбегаться.

Она повернулась вокруг своей оси и уже собиралась уходить, когда Нэш окликнул её:

– И что теперь? Куда дальше?

– Что теперь?.. – переспросила она, немного смутившись, но затем резко добавила: – А это уже не твоё собачье дело.

Нэш перенёс этот удар по самолюбию совершенно хладнокровно, даже не вздрогнув.

– Послушай, нам обоим нужно выбираться отсюда. Города больше нет, ловить здесь нечего.

– Нечего и некого, – хитро улыбнулась Бекки. – А ты крепкий малый, ничего не скажешь. Честно сказать, когда этот ублюдок тебя повалил, я уже было решила, что тебе крышка.

Нэш слегка улыбнулся. Обернувшись, он бросил быстрый взгляд на поверженного босяка, неподвижно лежавшего в нескольких футах от них.

– Ну… как видишь, я оказался не из теста сделан, – с долей гордости ответил Нэш.

Его собеседница всё ещё смотрела на него с подозрением. Она пыталась определить, был ли он и в самом деле достаточно хорош для того, что она собиралась предложить, или же подобное было ему не по зубам.

– Ладно, слушай, что я думаю, – снисходительно начала Бекки. – Я собираюсь добраться до залива Каноэ, это на восток отсюда. Одной мне сделать это будет трудно… Можешь отправиться со мной, если хочешь. Если нам повезёт, мы успеем застать Брукса на берегу.

– Брукса?

– Мой хороший знакомый. Их корабль должен был зайти туда в начале месяца.

– Даже если так, то судно, наверняка, погибло, – скептически заметил Нэш. – Ты видела, что стало с кораблями в Порт-Ройале.

– В Каноэ всё могло быть иначе, это тихая бухта. Да и ребята на «Кокетке» смышлёные, они должны были что-то придумать.

Нэш понимал, что выбора у него в любом случае не было. Добраться до судна, бывшего на ходу, означало получить шанс уплыть с Ямайки. Такой подарок судьбы отвергать бы-

ло просто нельзя.

– Хорошо, – твёрдо произнёс он, – я пойду с тобой. Как далеко придётся идти?

– Там есть поселение неподалёку, Порт-Морант, кажется… До него отсюда миль тридцать или около того.

Нэш скривился в лице. Он снова взглянул на ноги и покачал головой:

– Пешком нам не дойти, Бекки.

– Я видела несколько лошадей на том холме, – она жестом указала на возвышение на северо-востоке, откуда начинались городские окраины.

Недолго думая, Нэш и его спутница зашагали в нужном направлении. Холм, на который ссылалась Бекки, оказался местом расположения небольшой фермы. Земля здесь, как и в низинах, треснула в двух или трёх местах, образовав уже привычные расщелины. Живых людей видно не было, чего нельзя было сказать о мертвецах – на залитом водой поле, которое они пересекали, всюду лежали туши животных.

Дойдя до маленькой лачуги, крыша которой обрушилась, Нэш пожал плечами:

– Здесь мы никого не найдём. Если лошади и были, то они, должно быть, бежали, когда всё началось. А может, местные забрали…

– Смотри! Вон там! – Бекки указующе вытянула руку.

Нэш взглядом проследовал за ней и на самом горизонте заметил плохо различимый силуэт жеребца. Палящее солн-

це было в самом зените, повсюду испарялась вода, и над зелёным плато стоял влажный туман.

Рыжие кудри устремились вперёд, и когда Нэш подоспел за ней, Бекки уже держала за хомут молодого гнедого коня. Животное и не думало сопротивляться. За безмолвной мордой скрывалось такое же желание, как и у людей – поскорее убраться из места, насквозь пропитанного кровью и смертью.

Взобравшись на скакуна, оба грязные с головы до ног и в рваных лохмотьях, уже давно не походивших даже на мало-мальски приличную одежду, Нэш и Бекки устремились туда, откуда каждое утро восходило ямайское солнце.

В мыслях Нэша, впрочем, уже не было Ямайки – он представлял, как через считанные часы уплывёт с острова на величественном корабле, белые паруса которого наполнятся ветром и понесут их в открытое море – куда угодно, лишь бы подальше от этого кошмара, волею судьбы ставшего явью.

Глава III
«Кокетка»

Путь до юго-восточных берегов острова, как и следовало из расстояния, оказался долгим, тяжёлым и крайне утомительным путешествием. В результате землетрясения большинство основных дорог на Ямайке оказались завалены – повсюду произошли многочисленные оползни. Сама поверхность земли была во многих местах сплошь усеяна трещинами и ущельями самой разной величины. Пострадали и островные водоёмы – русла некоторых рек оказались запружены, что нанесло гигантский ущерб всему местному водоснабжению.

Только теперь, пересекая остров вдоль его длинной южной береговой линии, Нэш и Бекки могли в полной мере оценить весь масштаб произошедшей трагедии.

Несколько раз им приходилось уходить с дороги и углубляться в джунгли, чтобы обойти те самые завалы в виде камней и сломанных деревьев, в некоторых местах полностью заблокировавших путь. Пару раз они устраивали недолгий привал, где отдыхали сами и, что было наиболее важным, давали передохнуть несчастному животному, несущему на спине двух тяжёлых ездоков.

В ходе путешествия Нэш и девушка почти не говорили, лишь изредка обмениваясь короткими замечаниями, непо-

средственно относившимися к дороге или путям обхода очередного препятствия. Томас был погружён в собственные мысли и по большому счёту не сильно интересовался личностью Бекки – всё, что ему было от неё нужно, это её знакомый среди членов экипажа корабля, на котором он собирался уплыть. Впрочем, думая о судне, он также не помышлял о слишком многом – Нэш рассчитывал добраться на нём до ближайшего английского порта и сразу же сойти на берег. Забавно, но мысль о расплате за путешествие в тот момент даже не приходила ему в голову – он откровенно забыл о деньгах, а если бы и вспомнил, то наверняка не придал бы данной проблеме большого значения – разобрался бы как-нибудь на месте.

Глубокой ночью, когда вокруг уже было настолько темно, что быстрый ход лошади был попросту опасен, путники наконец увидели вдалеке вереницу огней, а затем услышали и шум прибоя, столь радостный для них в этот момент. Подъехав ближе, Нэш и Бекки поняли, что добрались до искомого места. Их взорам открылась небольшая рыбацкая деревушка, которая и была частью Порт-Морант. Жители этого тихого поселения выращивали бананы и изготовляли ром, которые затем продавали на рынках Порт-Ройала. Кроме того, как и во всех прибрежных деревнях, здесь ловили крабов и морских черепах.

Выйдя на немного остывший после знойного дня белый песок пляжа, Нэш увидел стоявший у самого берега двух-

мачтовый шлюп. С палубы на берег был проложен грубый деревянный мостик. Чуть ближе, на песке, расположился небольшой тент из парусины. Подле него, у медленно тлеющих углей, сидели двое мужчин. Одетые предельно просто, в свободные штаны из дешёвой грубой ткани, они были без рубашек и обуви, да и брюки, казалось, носились только из приличия.

Нэш несколько нетерпеливо направился к ним, и сидящие немедленно встрепенулись. Резко поднявшись на ноги, они с тревогой смотрели на приближающиеся фигуры. Томас хотел подойти ближе, но был тут же остановлен угрожающим окриком:

– Стой, где стоишь и сильно не дёргайся!

В этот момент из-за спины Нэша появилась его спутница. Один из людей у костра пристально всматривался в темноту, пытаясь разобрать, что за безумцы стояли перед ним, когда девушка облегчила его задачу.

– Спокойно, Энди, это я, Бек.

– Бек?! Вот это встреча! Малютка Бек из Порт-Ройала! – человек у костра мгновенно просиял, а тон его голоса стал ощутимо спокойнее.

– А это что за чёрт со дна? – вопросительно произнёс второй, бесцеремонно указывая пальцем на Нэша.

– Это мой… приятель, – немного замешкавшись, пояснила Бекки, – он меня выручил.

Нэш назвал своё имя.

– Томас? Это слишком вычурно. Я буду называть тебя просто Том, лады? – добродушно улыбнулся Энди и протянул ему огромную руку, – я Энди, как ты уже слышал, а это Ник, – он жестом указал на стоявшего рядом длинноволосого гиганта.

Нэш приветствовал обоих, а затем учтиво спросил:

– Так вы, парни… с того шлюпа?

Ник издал надменный смешок, а Энди, будто немного стыдясь поведения товарища, обратился к Нэшу:

– Прости Ника, он у нас балда балдой, только глотки резать умеет, – с улыбкой, но несколько поучительно начал Энди, – ну а что касается твоего вопроса – да, мы с «Кокетки». Красавица, не правда ли?

– Воистину. Выглядит впечатляюще, – воодушевлённо ответил Нэш, попутно засматриваясь на корабль.

– Ты ещё не видел её в деле, – с гордостью добавил Ник.

– Я вот что думаю – «Кокетка», конечно, дрянь красивая, но против Бек – без шансов! – громогласно заявил Энди, хитро подмигивая девушке.

Все четверо засмеялись, когда откуда-то со стороны, с того самого деревянного мостика, ведущего на борт корабля, раздался новый, доселе не слышанный Нэшем голос:

– Так, так, какое же дерьмо на поверку выходят мои дружки. Значит, шлюшка Бек добралась сюда глухой и тёмной ночью, а эти ублюдки держат её на берегу и даже не думают меня звать…

Улыбаясь до ушей, Энди обернулся на застывшего на сходне светловолосого человека с серыми глазами. Он был одет в жёсткую тунику, заправленную в штаны.

Энди весело пробасил:

– К дьяволу тебя, Брукс! Кто на посту, того и баба!

Ник и Энди снова принялись гоготать, но Нэш заметил, что Бекки теперь даже не улыбалась. Мужчина, именуемый Бруксом, медленно подошёл к ней – в тот же момент Том увидел у него в руке коротенький пистолет с небольшим дулом. Брукс лениво остановился подле девушки и ехидно улыбнулся, в глазах у него проблеснул гневный огонёк. Затем он обратился к ней, говоря тихо, но Нэш, стоявший рядом, слышал каждое слово:

– Ну, и чего мы ждём?

– А чего ты хочешь? – с выраженным недовольством ответила Бекки.

– А ты не знаешь, чего я хочу? – Брукс откровенно заулыбался.

– Этого не будет, – гневно огрызнулась девушка.

– Да что ты? Могу я узнать почему?

– Потому что я не хочу.

– Не хочешь? – улыбка Брукса становилась всё шире, но в отличие от присущей Энди, эта казалась отнюдь не доброй. – А зачем тогда пожаловала?

– Разве ты не знаешь, что случилось? Порт-Ройала больше нет. Город разрушен.

– Жаль, – равнодушно усмехнулся Брукс, – нас тут, знаешь ли, тоже немного потрепало. Но благодаря умелому руководству Мейсона, – при этих словах он покосился на Энди, – мы всё ещё на плаву.

– Мейсон уже капитан?

– Ну, пока ещё нет, – Брукс издевательски поднял брови и вытянул губы, – но скоро будет.

– Чёрта с два, Гай. Не бывать Винсу кэпом, – грубо вставил Энди.

Брукс обернулся и вновь расплылся в своей дьявольской улыбке. А затем загадочно произнёс:

– Может… пари?

Энди поёжился, но нашёл силы на ответ:

– Ты прекрасно знаешь, что любые игры на деньги во время рейда запрещены. А спорить просто так – никчёмное занятие.

Брукс противно захихикал, и уже почти отвернувшись от Энди, медленно проговорил:

– Не знал, что мы в рейде. А про законы – так разве они ещё действуют?.. – не дав оппоненту ответить, он повернулся к застывшей на месте Бекки: – Так я вроде не расслышал ответа – зачем пожаловала, шлюха?

Девушка сверкнула глазами, и, несмотря на то, что Брукс, по всей видимости, охарактеризовал её достаточно правдиво, явно не была довольна той манерой общения, которую он выбрал. Возможно, между ними было и что-то ещё, нечто

более глубокое, чем лежавшее на поверхности, но подробностей Нэш не знал и ориентировался на то, что видел.

– Я хочу убраться с Ямайки. Высадите меня в ближайшем порту, и я исчезну, – попросила она.

Брукс больше не мог сдерживать тот дикий хохот, который буквально бурлил внутри него – он загоготал с жуткой силой, а вместе с ним рассмеялись и Энди с Ником. Нэш и Бекки стояли с каменными лицами. Им оставалось только ждать, пока властители их судеб вдоволь насмеются и соизволят вернуться к разговору – иного выхода ни у Тома, ни у его спутницы просто не было.

Наконец Гай вытер полные влаги глаза и сквозь редкие остаточные смешки заговорил:

– Надеюсь, ты это не серьёзно…

– Абсолютно серьёзно, Гай. Мне нужна ваша помощь, парни, прошу вас, – она призывно смотрела то на Брукса, то на его товарищей.

– Бек, это же бред, на борту не место бабе. Тем более на нашем, – попытался объяснить Ник, сделав серьёзное лицо, будто изрёк чрезвычайную мудрость.

– Ребята, я не могу здесь оставаться! Я должна уплыть, клянусь всем, что у меня есть, мне просто необходимо уплыть отсюда! – закричала Бек, вероятно бывшая уже на грани срыва.

Брукс внезапно перестал улыбаться и уставился на Нэша. Тот, в свою очередь, не отвёл глаз и пристально смот-

рел на светловолосого. Напряжённое молчание продолжалось несколько секунд, которые непосредственным участникам этой зрительной дуэли могли показаться вечностью. Внезапно Брукс поднял пистолет и навёл его на самый лоб Нэша. Томас не дрогнул – он смотрел прямо в дуло, но лицо его было жёстким и не выражавшим эмоций. Окружавшие их Энди, Ник и Бекки застыли – взгляды всех участников сцены были прикованы к нацеленному на человека оружию.

Неожиданно Гай отвёл пистолет вверх и выстрелил. На фоне предшествовавшей этому напряжённой тишины, звук выстрела показался Нэшу невероятно громким, хотя на самом деле, на пляже было не так уж тихо – вечные спутники тропической ночи – цикады, огромным и сплочённым оркестром задавали музыкальное сопровождение разыгравшейся на берегу сцене. Брукс переводил взгляд с Бекки на Нэша и назад на девушку, и на его некрасивом продолговатом лице вновь появилась язвительная улыбка. Вдруг он спросил:

– А это кто?

Нэш не дал Бекки ответить за него. Он давно хотел сделать это сам и лишь ждал подходящего момента:

– Том Нэш. А ты значит…

Брукс злобно сверлил его глазами, но ответ оказался неожиданно вежливым:

– А я Гай Брукс.

Нэш протянул ему правую руку, облачённую в кожаную

перчатку. Гай лениво пожал её.

– Почему в перчатках? Не жарко?

– Есть причины, – решительным тоном ответил Нэш.

Нотка гнева пробежала в глазах Брукса, но продолжения не последовало. Он внезапно повернулся к Бекки и мягко, несколько театрально произнёс:

– Почему бы и нет? Конечно же мы возьмём тебя.

Энди и Ник удивлённо переглянулись. Первым заговорить осмелился Энди:

– Брукс, ты в своём уме? Бабу на «Кокетку»?!

– Во-первых, она не баба, она шлюха. А это большая разница, Энди. А во-вторых – я ей обязан, а девочка в сути своей милая, нехорошо оставлять в беде, – с умным видом пояснил Гай.

– Ну, как по мне, разницы никакой. А что самое главное – это против всех законов!

Брукс вновь рассмеялся:

– Окстись, Энди, о каких законах ты толкуешь? Капитану всё до чёртиков. Да ты хоть весь корабль бабами заполони – он и пальцем не пошевелит.

– Послушай, Гай, если ты сам не уважаешь Баккера, это ещё не значит, что у тебя появилось право расшатывать дисциплину в команде! – гневно отозвался Энди.

– Не смеши. Никакой дисциплины давно не существует. Ребята делают то, что хотят.

– Помимо капитана есть и другие люди, чьё слово имеет

вес. Они не потерпят девчонку на корабле.

– Интересно, – Брукс всем корпусом повернулся к собеседнику, – и кто же это? Кто наложит вето на моё решение?! Отвечай, пёс!

– Квартирмейстер[3], вот кто!

– Мейсон? Он на моей стороне, болван. Винс поддержит меня в любом дерьме, а уж тем более в этом. Засим балаган окончен.

Решительность Брукса заставила Энди замолчать. Гай ухмыльнулся, а затем вновь обратился к Бекки:

– Добро пожаловать на борт, птичка. И кстати, – он немного задумался, а потом добавил, – в следующий раз будь поаккуратнее с клятвами. И приведи себя в порядок – ребята голодные.

Закончив свою разоблачающую речь, явно довольный собой, Брукс уже собирался направиться обратно к деревянному мостику, ведущему на «Кокетку», когда рядом с ним снова раздался голос Нэша:

– Ну а что насчёт меня?

Гай вопросительно уставился на него.

– Что насчёт меня? – повторил Том. – Мне тоже больше нечего делать на острове. Я хочу уйти с вами.

---

[3] В «золотую эпоху пиратства» (XVI – XVIII вв.) квартирмейстеры (старшины рулевых) пиратских экипажей имели особенный статус; как и капитаны, они избирались голосованием и имели влияние на большинство решений на судне. Таким образом пираты старались разделить власть и избежать её сосредоточения в руках одного человека.

Брукс, как показалось, собирался возразить и закрыть эту тему, но внезапно раздался громкий бас Энди:

– А что, Гай… берёшь бабу, бери и парня!

Ник одобрительно закивал, но Брукс заметно побагровел.

– Зачем ты нам? Какой от тебя прок? – вызывающе обратился он к Нэшу.

Тот, вероятно ожидая подобного вопроса, отреагировал на удивление спокойно:

– Я немного смыслю в навигации. Изучал её в юности.

– Лишние руки нам не помешают, Брукс, – поддержал его Энди. – Главное, чтобы человек был надёжный. А мне парень приглянулся, да и Бек говорит, что он не промах.

Гай презрительно фыркнул и быстро сказал:

– Нынче нам потаскухи людей подгоняют, а? Хотя, – он вдруг с выраженным равнодушием посмотрел на Нэша, – мне, в общем, всё равно. Раз эти джентльмены за тебя – пускай так оно и будет.

Договорив, он развернулся и направился в сторону корабля. Уже почти поднявшись на борт, стоя одной ногой на сходне, он крикнул мнущейся на песке четвёрке:

– Отчаливаем с рассветом, так что собирайте манатки, кролики, да пошевеливайтесь, – он сделал паузу, будто собираясь с мыслями, а затем добавил: – Да, и ещё одно, Нэш… твоя подружка, думаю, сумеет расплатиться за проезд, даже не будь у неё золотишка за душой, а вот насчёт тебя я не уверен…

– Будь спокоен, Брукс. Дай мне время, и я возмещу убытки с лихвой, – громко и чётко огласил Нэш.

Гай не стал дожидаться ответа – всем своим видом показывая полное безразличие к Тому и его словам, он вскоре скрылся во тьме сразу за фальшбортом.

Ночь в заливе Каноэ выдалась тихой, и на всей его длинной береговой линии стоял штиль. Но на заре, уже под утро, с запада подул небольшой ветер. К рассвету он усилился, и около шести часов «Кокетка», подняв все свои белоснежные паруса, навсегда ушла с Ямайки, оставив за собой её бесконечные ядовито зелёные холмы.

Относительно дальнейшего курса единства в команде не было – часть экипажа уверяла, что необходимо двигаться на юго-восток, в сторону Малых Антильских островов, в то время как другая половина настаивала на том, чтобы взять курс норд и добраться до Багам.

Нэш, безусловно, с самого начала догадывался об истинном роде занятий людей с «Кокетки», едва только познакомившись с Энди, Ником и другими членами команды.

Несмотря на то, что на грот-мачте[4] шлюпа развевался английский флаг Святого Георга, никакого отношения к торговому и уж тем более военному флоту этого королевства корабль и его экипаж не имели.

Как позже пояснил Нэшу капитан Баккер, знамя, по его

---

[4] Грот-мачта – вторая мачта судна, считая от носа; на двух и трёхмачтовых судах наиболее высокая мачта.

мнению, в некотором роде символизировало происхождение большинства моряков, многие из которых были выходцами с Британских островов. Очевидно, что оно также оберегало «Кокетку» от агрессии со стороны карательных сил англичан, случайно встреченных в океане – те принимали их за своих, и отпускали с миром, не имея ни малейшего желания, ни острой необходимости тратить время на выяснения и проверки.

Тем не менее, были на корабле и представители других национальностей: несколько голландцев, пара французов и даже каталанец, что вызвало у Нэша особое удивление, ведь англичане в массе своей недолюбливали испанцев, и в ещё более острой форме это касалось той профессии, которую выбрали люди на шлюпе. Впрочем, сам каталанский матрос, имя которого было Бердуго, на вопрос Нэша ответил коротко и ясно – испанцем, вернее кастильцем, он себя не ощущал, и наоборот почитал за честь вырезать десяток-другой кастильских голов.

Том быстро вошёл в курс дела – если разговор на берегу и оставлял некоторые вопросы, то проведя пару дней на борту, Нэш уже видел всю картину происходящего. И картина эта была отнюдь не доброй.

Настроения и атмосфера на «Кокетке» были если не мятежными, то весьма близкими к тому. Вероятно, единственным удерживающим фактором, который несколько сбавлял напряжение, оставался ром, которым дальновидный Баккер

забил трюм до отвала – несмотря на несколько месяцев в плавании, его всё ещё оставалось довольно много. Но квартирмейстера Винсента Мейсона и его верного последователя Брукса, выполнявшего на судне роль своеобразного помощника по множеству вопросов, притом старпомом в сути не являясь, не останавливала даже выпивка. Именно Мейсон, как наиболее уважаемый и авторитетный человек на корабле после капитана, был главным идеологом зреющего бунта – он открыто выражал недоверие Баккеру и призывал команду к переменам. Вследствие этой ситуации команда оказалась разбитой на два лагеря – тех, что в этом споре поддерживали Мейсона, было несравненно больше, но и у действующего капитана всё ещё оставались сторонники – в их числе, кстати, были и имевшие вес в команде старые прожжённые волки родом из Девоншира – Энди Кейнелл и Николас Эштон. Оба они хорошо относились к Нэшу и быстро стали его приятелями и единственными надёжными людьми, кому он мог доверять.

Что до капитана Яна Баккера, голландца по происхождению, то он действительно потерял контроль над ситуацией, и даже самые верные из его сторонников открыто или в глубине души признавали этот прискорбный факт. В былые времена Баккер был тем ещё пройдохой – к примеру, этот самый шлюп, которым он теперь командовал, раньше принадлежал одному французскому авантюристу – именно от прежнего владельца и осталось чудное название. Йоханнес взял его

в качестве компаньона, предложив одно нехитрое, но грязное дельце – нападение на торговый караван испанцев недалеко от побережья Флориды. Предприятие прошло успешно, но коварный и алчный Баккер не захотел делиться добычей с партнёром. Вместо этого, придя в каюту француза на званый ужин по случаю празднования успеха, Ян вместе со своими молодцами вырезал всё живое на «Кокетке», в основном тех, кто имел смелость ему возразить, а остальных, более смышлёных, присоединил к своей новой команде. Было в его карьере и множество других не менее громких успехов, и к сорока восьми годам, а для человека его профессии возраст этот был весьма и весьма внушительным, имя Баккера было известно на многих островах Карибского моря, и далеко не каждый из купцов рисковал вступать с ним в перепалки.

Но в последнем рейде всё пошло из рук вон плохо, да и старина Ян как будто был уже не тот. За два с половиной месяца скитаний по бассейну, «Кокетка» встретила всего пару судов, которые могла бы сделать своей целью, да и те упустила в силу разных причин – то хода не хватило, и жертва попросту ушла по ветру, что для команды было настоящим позором, то духу и решимости у самого капитана. В результате на корабле начали подходить к концу запасы пищи и пресной воды, и Баккер приказал взять курс на Ямайку, бывшую на тот момент ближайшей землёй относительно судна. Тогда же он окончательно закрылся в своей каю-

те, и с тех пор покидал её крайне редко, ещё сильнее разгорячив на борту недовольство и злые слухи о капитане, якобы жрущем целыми днями ром у себя взаперти и окончательно обезумевшем. По дороге в Порт-Морант судно попало в небольшой шторм, изрядно его потрепавший, а затем и едва не погибло в бухте залива Каноэ, куда зашло для ремонта и пополнения припасов. «Кокетка» чудом избежала затопления и уничтожения волной цунами, которая в том районе, на счастье моряков, была гораздо меньше той, что обрушилась на Порт-Ройал.

Таким образом, после ухода с Ямайки команда вновь предстала перед выбором, куда плыть дальше, и эта дилемма стала очередным яблоком раздора, обострив и без того тяжёлую ситуацию в коллективе. В конечном итоге общим голосованием было принято решение о курсе на Багамские острова – моряки решили вернуться на Нью-Провиденс, откуда «Кокетка» и отправлялась в это неудачное плавание, с поправкой на то, что по пути, если им повезёт, они, возможно, всё-таки захватят какую-никакую маломальскую добычу. Примечательно, что Баккер на собрании вообще не присутствовал – решение было согласовано большинством и утверждено Мейсоном, который по законам, принятым на корабле, в любом случае имел право наложить вето на отказ капитана, даже если бы он последовал.

Что касается Нэша, он старался держаться подальше от всех споров и склок, тем более, будучи человеком новым

и не знавшим всех подводных камней и причин конфликта. Он добросовестно выполнял поручения, которые ему выдавались, демонстрируя недюжинные способности и знания в области управления судном, чем немало удивил всех членов экипажа. Пару раз он даже выступал в роли штурмана и помогал так называемым «офицерам» определиться с текущим местоположением корабля или лечь на нужное направление.

Офицерами на «Кокетке» называли людей, стоящих чуть выше рядового члена команды – в их число входил Мейсон, боцман Перри, пушкарь Хьюэт и понимавший в лекарском деле ирландец Уилсон. Никаких воинских званий у них, конечно, не было, офицерами они стали не по королевскому указу, а решением большинства.

Одним из поздних вечеров, спустя несколько дней в открытом море, Нэш, как и в прежние дни, сидел на баке в компании своих друзей: Энди, Ника и ещё одного грубоватого с виду, но честного в душе молодого моряка по имени Льюис Брэбэм. Энди лениво тасовал в руках старую, давно пожелтевшую от постоянной сырости колоду. Николас с довольным видом обхватил губами круглую бутыль с элем и уже готовился сделать очередной глоток, когда Энди сказал:

– Ну что, парни, ещё одну?

– Сдавай. Эта партия моя, точно вам говорю, – азартно проговорил Льюис.

Нэш устало и равнодушно смотрел за тем, как Энди пе-

ребирал в руках карты всех мастей, всякий раз с некоторым трепетом касаясь тех, что относились к пикам. Вдруг он спросил:

– Может, всё же зажечь пару свечей? Не видно же ни черта.

– Том, тебе сколько раз ещё повторять? Есть правила. После восьми – никакого света на палубе, – раздражённо ответил Энди.

– Да какие там правила… Ты один только их и выполняешь.

– Ладно, Нэш, не бурчи. Энди прав, а ты ещё человек новый и зелёный, так что сиди и не рыпайся, и слушай то, что тебе старшие говорят, – вступился за приятеля Ник.

– От луны и так света как от камина, чего раскудахтались, – буркнул Льюис, целью которого было как можно скорее начать игру.

Энди начал сдавать карты, кладя по одной перед каждым поочерёдно. Ник вновь громко хлебнул, немного поперхнулся, а затем грубо сказал:

– А вообще парень прав. Такого дерьма на нормальных кораблях не бывает. Да вспомнить Тейта того же – разве терпел бы он такое? В миг всех, кто статьи нарушает, перевешал бы к чертям свинячим.

– Ну, скажешь тоже, – пробубнил под нос Энди, – Тейт, не Тейт… как будто ты с ним плавал…

– Я нет, но был у меня дружок в Бриджтауне[5] – вот такой парень, – Ник демонстративно сжал руку в кулак, – так вот он с Тейтом как-то раз и ходил. Да и у Винса нашего, как говорят, с ним тоже какие-то делишки были.

– О ком речь? – поинтересовался Нэш.

– Да о Тейте, был такой… джентльмен фортуны, – Энди грустно улыбнулся, отдавая Тому последнюю положенную ему карту.

– Фортуны или нет, а в своё время он навёл шороху этот Чёрный Алекс, – протяжно зевая, отозвался Николас.

– Ну да, навёл, да только пришили его как последнюю скотину, и кому он нужен теперь, – скептично протянул Энди, – чертям если только, с котлами ждали его, – с этими словами он вновь улыбнулся.

– Кстати говоря, Винс вроде как слинял от него как раз перед тем плаванием. Дьявол их там разберёт, что за история была, да и не любит он рассказывать, – договорив, Ник поднял разложенную перед ним колоду и с живым интересом принялся изучать лица доставшихся ему карт.

Вскоре игра началась, но не прошло и пяти минут, когда всё тот же лохматый здоровяк пробасил:

– Вот дерьмо! А эль-то кончился.

– Придётся потерпеть, Николас, доиграть нужно, – заметил Льюис.

– Да ну тебя к чёрту, вон Нэш всё равно уже проигрался

---

[5] Бриджтаун – город на острове Барбадос, в то время – английская колония.

к дьяволу, – Ник призывно посмотрел на Тома, сидевшего с довольно хмурым выражением лица. Едва ли в его в планы входило выбыть из этой партии так быстро, учитывая, что предыдущую он чуть было не выиграл.

– Ладно, ладно, ты прав. Схожу, чего уж там, – пожал плечами Нэш, а затем лениво поднялся на ноги.

– И мне захвати бутылочку, Том, будь другом, – не отрываясь от карт, кинул ему Энди.

– Да и мне ещё одну, Нэш, – включился Льюис.

– Обойдёшься, Лу. Не дорос ещё, в отличие от этих достопочтенных господ, – сквозь улыбку бросил уходящий Том.

– Вот урод… – буркнул Льюис, а Энди и Ник дружно захихикали.

– Всё правильно, Том, так его, – поддержал товарища Энди.

Нэш неспешным шагом отправился в кают-компанию, где застал бурно шумевших, и пьющих при полном освещении людей Мейсона. Подойдя к дубовому столу, за которым они восседали, Нэш попросил одолжить свечей. Его просьба была удовлетворена, и Том проследовал до люка, лестница под которым вела в трюм. Аккуратно ступая по узким и крутым ступеням, держа в одной руке подсвечник, а другой скользя по стене, он спустился в тёмное пространство с невысоким потолком. Медленно продвигаясь в глубину трюма, Нэш наконец добрался до его дальней стенки – туда, где и хранились запасы эля, рома и другой дешёвой выпивки, столь по-

пулярной среди членов команды. Взяв пару бутылок, он уже собирался уходить, когда вдруг услышал негромкий голос:

– Постой.

Весьма вероятно, что любой другой, да и сам Том, в подобной ситуации вскрикнул бы, пошатнулся от неожиданности, но внезапно для самого себя Нэш воспринял таинственное обращение с необыкновенным хладнокровием. Он уже будто знал, что через мгновение ещё и встретится с незнакомцем глазами, а потому появившийся из черноты и практически неразличимый в ней даже в свете канделябра силуэт мужчины также не вызвал в нём панических чувств.

– Кто ты? – всё же с ощутимой тревогой в голосе спросил он.

– Спокойно. Говорим как можно тише, идёт? – незнакомец понизил голос ещё сильнее и теперь вряд ли был бы услышан кем-либо кроме Нэша, стоявшим в шаге от источника звука.

– Кто ты такой? Покажись! – Том произнёс это довольно громко.

– Проклятье, ты что, не понял меня? Тише, дурак!

Нэш не понимал, что делает, но по неизвестной причине решил повиноваться. Он следовал тому, что говорил незнакомец.

– Хорошо, так лучше? – так же тихо, как и сам таинственный силуэт, произнёс Нэш.

– Лучше. Рад, что ты смышлёный, – злобно отозвался го-

лос.

– Что ты здесь делаешь?

– Наслаждаюсь вашим пойлом. Честно сказать – дрянь ещё та, но бывало и хуже. Одно радует – его здесь предостаточно.

– То есть… о тебе никто не знает?

– Кроме тебя. Я вообще-то не собирался знакомиться, но раз уж ты здесь – пришлось.

– Я – Нэш, – Том попытался протянуть руку в пустоту, но ответ оказался холодным:

– Знаю, но это не имеет значения.

– Знаешь? – удивился Нэш. – Но откуда?

– Главное и основное правило, которое тебе следует уяснить – ты меня не видел, понял?

– Допустим…

– Допустим? Послушай, это всё, о чём я прошу. Не рассказывай об этой встрече никому, просто забудь о ней! И ничего больше.

– С чего я должен покрывать тебя? – Нэш, немного осмелев, перешёл в дерзкое наступление.

– Слушай, весельчак, – гневно отозвался силуэт, – ты в глубоком дерьме, как и я, так что завязывай с играми, и начинай думать головой.

– О чём это ты? – удивился Том.

– Скоро узнаешь. Не бойся, я прослежу за тобой. Ты только делай всё по уму, ладно?

– Я так ни черта и не понял. Как твоё имя?

– Потом, всё потом. Сейчас это не важно. У нас очень мало времени, понимаешь? Как сегодня, так и в целом.

– Мало времени? – вновь удивлённо переспросил Нэш. – До чего?

– Твои дружки наверху заподозрят неладное, если ты сейчас же не вернёшься. Давай, бери бутылки и убирайся.

– Но… Постой, откуда ты знаешь про них?..

– Позже! Всё, иди!

Нэш колебался. Умом он понимал, что происходящее абсолютно ненормально. Ему следовало бы разобраться в том, что это был за человек, и откуда он взялся. Он не должен был слушать бредней таинственного нелегального пассажира, скрывающегося ото всех в трюме, а вероятно обязан был отвести его к парням наверху и пролить свет на эту историю.

Но по необъяснимой для себя самого причине он не хотел этого делать. Нэш сделал несколько шагов назад к ступеням, из отверстия над которыми пробивался небольшой свет, совершенно недостаточный, чтобы разглядеть лицо. Том вновь услышал уже знакомый голос:

– Помни, ты обещал. Ни слова.

Нэш всматривался в черноту, пытаясь заметить хоть какое-нибудь движение, но без толку – он ничего не видел даже в шаге от себя. Тогда он развернулся и устремился наверх. Прошмыгнув мимо пьющих в каюте моряков, почти не обративших на него внимания, он выбрался на палубу и напра-

вился к отдыхающим на носу приятелям. Приближаясь, он расслышал часть их разговора, прерванного его появлением:

– …Её даже не видно, наверно прыгает на Бруксе днями напролёт, – гневным эхом разошёлся голос Энди.

– Доиграется мальчишка, вздёрнет его Баккер к чертям, – ответил Николас.

Нэш подошёл ближе и опустил бутылки на дощатую поверхность палубы. Гигант Ник сразу потянулся за выпивкой, а Энди подозрительно посмотрел на Тома:

– Что это с тобой?

– Что?.. А что со мной не так? – Нэш находился в некотором трансе и не сразу воспринял вопрос.

– Белый ты какой-то, бледный. Что стряслось?

– Должно быть, призрака увидел, – язвительно пошутил Ник, попутно жадно глотая холодный эль.

Энди подобное объяснение, видимо, показалось достаточным, и он принялся хихикать вместе со здоровяком.

– Возможно, – загадочно произнёс Нэш.

– И как он выглядел? Прозрачный такой? – Льюис попытался блеснуть остроумием и, несмотря на то, что шутка не была такой уж смешной, интонация, с которой она была озвучена, заставила Энди и Ника захохотать ещё сильнее.

Том опустил глаза и заметил сложенную колоду.

– Кто выиграл?

– Мастер, конечно, – широко улыбаясь, указал на себя Энди.

– Чушь. Ему повезло, – обиженно вставил Льюис.

– Ладно, парни, засиделись мы что-то, – объявил Ник, кинув взгляд на вереницы звёзд на небе. – Койка ждёт.

– Погоди, я тоже пойду. Лу, карты не забудь, – коренастый Энди поднялся на ноги, подобрал эль и проследовал за Ником.

Немного отойдя, он обернулся и заметил, что из четверых только Нэш не собирался уходить с бака. Поймав вопросительные взгляды приятелей, Том крикнул:

– Всё в порядке, парни, – он немного задумался, потом добавил: – Хочу проветриться после встречи с призраком.

Нэш услышал, как Ник грязно выругался, а затем все трое, включая поспевшего за ними Льюиса, дружно посмеиваясь, скрылись в ночной тьме. Нэш опёрся руками о фальшборт и взглянул на нависшую прямо над горизонтом тусклую звезду. Он думал о человеке, которого встретил в трюме и задавался вопросом, почему так и не рассказал о нём Энди или Нику. Конечно, он всё ещё мог исправить это недоразумение и поведать о таинственном пассажире утром. Интересно, каким образом ему удалось попасть на борт, и как давно он скрывается в отсеке трюма? Неужели за всё это время никто из команды не спускался туда и не обнаружил его? Нет, наверняка спускались… Выходит, что не замечали.

Нэш вспомнил собственное попадание на судно и вскоре пришёл к выводу, что в действительности, в нынешнем положении пробраться и даже находиться на «Кокетке» незаме-

ченным было не так уж сложно. Помимо загадочного человека в трюме, на корабле ещё путешествовали молодая женщина, вдобавок проститутка, и он – Том Нэш. Капитану Баккеру до всех них, похоже, не было никакого дела, а Мейсон с одной стороны полагался на мнение Брукса, а с другой был видимо заинтересован, чтобы на судне творился бардак – это приближало час бунта, а в том, что он состоится, Нэш теперь практически не сомневался.

«К дьяволу этих висельников», – подумал он, – «мне бы только добраться до хоть одного, хотя бы самого захудалого порта Новой Англии, где есть королевская власть, и при должном везении я смогу вернуться к своему заданию».

Погружённый в полные радужных надежд размышления, Нэш ещё раз взглянул на усеянное звёздами полотно. Проведя рукой по тщательно отполированному планширю, он лениво зашагал в сторону кубрика.

***

Нэш проснулся от громкого шума, доносившегося с верхней палубы. Немного поморгав, словно проверяя работоспособность глаз после сна, он явственно ощутил, что вновь не выспался, и если бы ни разбудившие его звуки, наверняка, провалялся бы ещё пару часов. Прислушавшись, он понял, что шум образовывался из многочисленных голосов. Воздух в кубрике был невероятно удушливым и затхлым, в то вре-

мя как весь этот гул был достаточно тревожным, и Нэш поспешил накинуть грязную рубашку – он её так и не сменил, лишней одежды на корабле не было. Одевшись и немного вспушив волосы, Нэш заторопился наружу, чтобы посмотреть, что стало причиной этого утреннего переполоха.

Выбравшись на шкафут[6], он увидел плотную толпу моряков, окруживших зону, в центре которой, насколько он помнил, должен был оказаться кабестан[7]. Матросы впереди буйно кричали, но из задних рядов ничего не было видно. Воспользовавшись небольшой прогалиной, образовавшейся между двумя стоявшими перед ним загорелыми гигантами, Нэш протиснулся ближе к центру происходящего и обомлел.

Возле полукруглой широкой конструкции, служившей для наматывания якорной цепи, сидел человек. Спина его была прислонена к лебёдке, а голова откинута – так, словно он сам положил её на поверхность кабестана, желая расслабить шею. Глаза мужчины неестественно завалились внутрь и совершенно не моргали, а на лице у него застыла глупая и несвойственная человеку в повседневной жизни гримаса. Виной всему был предмет, предательски торчавший у него из горла – длинный и чрезвычайно острый кортик. В основании лезвия, у самой рукоятки, виднелась странная вещица, похожая на небольшой кусок пергамента. Приглядевшись

---

[6] Шкафут – средняя часть верхней палубы, от бака до юта; реже от фок-мачты до грот-мачты.

[7] Кабестан – вертикальный ворот для поднятия якоря.

внимательнее, Нэш понял, что вещица была ничем иным как игральной картой. По очертаниям рисунка на её лице и превалировавшему чёрному цвету, он определил, что карта являлась тузом пик.

Внезапно жужжание роя вокруг, а именно таким теперь представлялся этот звук Нэшу, в одно мгновение стихло. Том отвёл глаза от тела и увидел капитана Яна Баккера, появившегося внутри живого кольца, образованного моряками вокруг трупа. Выглядел капитан не лучшим образом – его густые чёрные усы и борода заметно поредели, а волосы на голове были грязными и полностью потеряли форму. Глаза Баккера – красные и бесконечно усталые, хаотически бегали из стороны в сторону, словно пытаясь найти объяснение произошедшему. В руке он держал длинный кавалерийский пистолет, курок его был взведён.

Тяжело дыша и с трудом передвигаясь, капитан подобрался к телу и принялся его пристально рассматривать. Через несколько секунд он обернулся к толпе, в которой теперь почти не шептались. Над палубой повисла гробовая тишина, нарушаемая только отзвуком бьющих о борт волн и скрежетом покачивающихся снастей.

Наконец, случилось то, чего на «Кокетке» не знали уже несколько недель – Ян Баккер заговорил.

– Пиковый туз, джентльмены, – с загадочной интонацией произнёс он, не то как вопрос, не то как утверждение.

Волнительный гул пробежал по рядам моряков. Они тре-

вожно передавали друг другу слова, сказанные капитаном, повторяя их как страшную мантру. Баккер скользил глазами по лицам моряков, как будто выжидая и надеясь, что кто-нибудь из них сейчас же выдаст себя. Сиюминутного разоблачения не последовало, и тогда он вновь прервал тишину:

– Как… как вы, псы, можете объяснить тот факт, что… убит мой квартирмейстер?

На Нэша словно опрокинули ведро ледяной воды. Странно, но рассматривая убитого, он, до сего момента, ни на секунду не успел задуматься о том, кем был этот несчастный. Его внимание приковывали кинжал, игральная карта – всё, вплоть до одежды мертвеца и складок на ней, но только не его личность. Только теперь, совершенно внезапно и, вероятно, с подачи Баккера, он понял, что это был Винсент Мейсон – квартирмейстер и патрон Гая Брукса, человек, обладавший на корабле почти неограниченной властью, выше которой был только капитан, которого Мейсон как раз и собирался свергнуть.

Тем временем, люди на палубе не на шутку взволновались – окончательно осознав, что произошло, они стояли теперь перед смятённым, но в то же время вернувшим присущую себе в прошлом твёрдость Баккером, и ситуация была такова, что у обеих сторон имелся прекрасный повод перегрызть друг другу глотки. Но капитан, опытный морской волк, понимая возможное развитие событий, сделал ход первым. Он задал свой вопрос громким и отточенным годами

жёстким командным голосом:

– Чей это туз? Чья была колода?

Из толпы появился Льюис, молодой моряк лет двадцати, тот самый, в компании которого Нэш, Энди и Николас сидели ночью на носу. С юношеской гордостью, словно отчитываясь перед наставником за успехи в учёбе, он торжественно пробасил:

– Карта из моей колоды, сэр. Я её опознал.

Баккер удивлённо посмотрел на него, а затем аккуратно спросил:

– Уверен?

– Так точно, сэр, – радостно подтвердил Льюис.

Нэш увидел, как оказавшийся неподалёку Энди Кейнелл замотал головой. В этот же момент в паре футов от них раздался громкий оглушительный хлопок. Когда дым рассеялся, перед собравшимися на палубе появился ещё один мертвец – бедняга Льюис лежал с пробитым насквозь черепом – пуля Баккера угодила ему ровно в переносицу.

Нэш почувствовал лёгкую тошноту. В последнее время он видел столько смертей и искалеченных трупов, что, казалось, ничто уже не могло по-настоящему его шокировать, или вывести из равновесия. Но когда прямо у него на глазах застрелили наивного и ещё не знавшего жизни юношу, с которым всего считанные часы назад они вместе сидели и распивали эль – в глазах у Нэша вновь помутилось. «Проклятый Льюис, кто тянул его за язык, зачем было говорить, что это его ко-

лода?» – хаотически размышлял он, пытаясь найти хотя бы одно оправдание чудовищной по своей глупости и бессмысленности смерти.

Нэш посмотрел на Энди – в глазах того сверкали молнии. Верный Баккеру до последнего, теперь, когда капитан, казалось бы, наконец поступил как решительный и хладнокровный лидер, чего от него и ждали, Энди не готов был принять того, что Ян, не разбираясь, убьёт первого молодого дурака, который только попадётся ему под руку. Дураком этим оказался Льюис, ставший Энди близким товарищем, и если бы не остановивший его Ник, Энди наверняка бросился бы на Баккера, а количество трупов на палубе увеличилось бы до трёх – вопрос в том, кто стал бы третьим – капитан или сам Энди.

Баккер, сунув пистолет за пояс, обвёл презрительным взглядом несколько обескураженную скорой развязкой толпу и властно произнёс:

– Похороните тела и отдрайте палубу, – договорив, он неспешно направился к своей каюте, но затем остановился и добавил: – Да, и ещё… выберите мне нового квартирмейстера.

Нэш стоял у фальшборта, отрешённо наблюдая за тем, как моряки быстрыми отточенными движениями, явно делая это не в первый раз, заворачивали два тела в грубую парусинную ткань. Мейсону сложили руки крест-накрест, а в правую ладонь вложили кинжал – но не тот, которым он был зако-

лот, а его личный нож, за которым специально ходили в каюту. Под левую руку покойнику сунули принадлежавший ему пистолет. Веки на глазах принудительно опустили, а затем положили по монетке на каждое око. В завершение, кто-то притащил небольшой бронзовый крестик, который Винсенту прикрепили к груди. Молодому Льюису, видимо в силу недостаточного положения, которого он успел добиться при жизни, оказали куда меньше почестей – лишь прикрыли глаза и тоже вложили в руку его собственный кортик.

Пиковый туз, совсем позабытый занятыми погребением моряками, вскоре оказался на дощатом полу палубы. Преодолевая крупную волну, корабль покачнулся, и карта очутилась совсем рядом с Нэшем. Он подобрал заляпанный кровью кусочек бумаги и принялся с интересом его рассматривать. Рядом раздался хорошо знакомый голос – Нэш знал его лучше любого другого на этом корабле.

– Странная карта этот пиковый туз, – сказал Энди Кейнелл.

– Почему? – холодно поинтересовался Нэш.

– Карта смерти. Так верит большинство ребят.

– Масть как масть, брехня это всё, – гневно отозвался Нэш. Он крайне устал от многочисленных правил и верований, принятых у экипажа «Кокетки».

– Суть не в том, что ты об этом думаешь. То, что думают люди, вот что важно. Тот, кто порезал Винса, в курсе о традициях. И это знак, понятный тем, кому он адресовался.

– Тебе виднее, – согласился Нэш, продолжая вертеть карту в руках.

Энди задумчиво чесал подбородок, когда вдруг спросил:

– Ты же не думаешь, что его Льюис прикончил?

– Нет. Почему ты спрашиваешь?

– Ты мне кажешься умным, – пожал плечами Энди. – Может, это я чего не понимаю, но Лу тут точно не причём.

– Баккеру просто нужно было успокоить людей, как можно скорее огласить и покарать убийцу. Я уверен, что он и сам сейчас сидит и голову ломает, что на самом деле произошло, – заключил Нэш.

– Верно, – Энди кивнул и уставился в море. – Но кто тогда?

– Вот это и есть самый интересный вопрос, – задумчиво сказал Нэш, продолжая рассматривать карту.

– Чёрт… среди нас на борту человек, который отправил Мейсона в ад, а мы так и дальше поплывём, даже не выяснив, кто он.

Перед ними выросли пять или шесть матросов. Они подхватили завёрнутое в ткань тело, похожее теперь на большой длинный мешок, и одним движением выбросили его за борт. Судя по тому, как быстро и бесцеремонно была проведена данная операция, первым в своё последнее плавание отправился Льюис. Вскоре подтащили и бывшего квартирмейстера. Моряки вокруг, большинство из которых были в одних рваных штанах, бородатые и загорелые, больше похо-

жие на зверей, чем на добрых христиан, принялись неистово креститься. Спустя пару мгновений труп Мейсона был также сброшен в воду – чуть более аккуратно, но всё одно без помощи тросов и верёвок.

– Случаем не знаешь, кто его пришил? – внезапно спросил Энди.

– Я?.. С чего бы? – вопрос оказался неожиданным для Нэша, но ответил он машинально.

– Чёрт тебя знает. Может что видел, – грустно протянул Энди.

Похлопав Нэша по плечу, он направился в кубрик.

Нэш смотрел ему вслед, прокручивая в голове все события, что произошли с ним со времени прибытия на Ямайку. Он снова отчётливо вспомнил, что, несмотря на всю чертовщину, которая творилась здесь, на борту «Кокетки», бесконечно важным для него оставалось совершенно другое – та самая секретная экспедиция, в которую ввязал его герцог Бофорт. Том с тоской посмотрел на линию горизонта и понял, что до сих пор ни на дюйм не продвинулся в поисках.

В этот момент он почувствовал чей-то взгляд. Обернувшись, он встретился глазами с Гаем Бруксом, гордо стоявшим на квартердеке. Тот, недобро улыбаясь, насмешливо подмигнул Нэшу. Потом Брукс поднял руку и указал куда-то в море. Том обернулся и увидел, что на самом горизонте, окутанная утренним туманом, стала проступать едва различимая полоска земли.

Конец фрагмента 1

…Де Винд отстранился от планшета и прислушался. В рубке, казалось, что-то происходило, но уже через мгновение всё стихло.

Протерев глаза и протяжно зевнув, Вукашин вернулся к компьютеру. Проведя пальцем по экрану, он намеревался перейти к следующему изображению. Неожиданно показ слайдов прервался, и вместо ожидаемого отсканированного текста перед Вуле образовалась фотография кареглазой брюнетки.

Де Винд невольно улыбнулся. Со времени, как они с Кристиной разошлись, прошло уже года четыре, а он всё ещё в точности помнил запах её волос. Он задумчиво уставился в стенку и представил её голос. Звонкий, мелодичный… его бывшая супруга всегда так тонко и аккуратно произносила слова, особенно на русском. У Вуле, как он ни старался, они получались совсем иначе. Постепенно он освоил русский, относительно свободно заговорил на нём, но полностью убрать акцент так и не смог. А когда волновался, вдобавок к акценту начинал лепить ещё и кучу грамматических ошибок, переходя на некий симбиоз русского с македонским.

«Македонец? Бабушка считала себя сербкой. Впрочем, какая разница? Теперь уже вообще канадец…»

Последняя мысль вновь заставила его улыбнуться. Когда они с матерью переехали в Монреаль, Вуле было не больше пяти. Она вышла замуж за англофона, выходца из Ирландии, а маленький мальчик оказался в абсолютно чужой, вдобавок двуязычной среде. С тех пор к сербскому и македонскому, которые он знал с юного возраста, родившись в небольшом городке на самой границе двух маленьких государств, мальчик добавил французский и английский. Позднее, за счёт нескольких лет работы в России и, главным образом, благодаря знакомству с местной студенткой университета Кристиной, Де Винд добавил в свою лингвистическую копилку ещё один славянский язык – русский.

Вуле ещё раз провёл пальцем по изображению девушки, а затем резко, с некоторым остервенением свернул его. Устройство вернуло его на рабочий стол. Часы на экране показывали восемь минут десятого.

«В Москве на час больше. Хотя она может быть где угодно. В Париже, в Мадриде, или ещё где-нибудь. Естественно, с этим чудаком… Почему не съездить…»

Вспомнив лицо нового избранника Кристины, Де Винд невольно поморщился.

«И что она в нём нашла? Отсутствие мозгов, полное отсутствие шарма, никакой изюминки. Ну да, он же „от мира сего“. С ним самое оно прошвырнуться по клубам. Куда тут с археологией…»

В глубине души Вуле не злился на Кристину. Он всё ещё

её любил, но не сказать, что разлука так уж сильно его терзала. Куда важнее для него было её благополучие – пускай с другим, зато в стабильности и спокойствии. Ещё важнее для него было благополучие маленького ангелочка Миры. Её он тоже давно не видел – года два, но разве в этом была вина Кристины? Нет, скорее это он сам виноват. Нужно было звонить, узнавать, договариваться. Но ему всё было некогда, он больше думал о проблемах человечества, чем о собственной семье.

«Так она и говорила – работа тебя волнует больше семьи. А может, всё дело в деньгах? Может, это всё ради карьеры?»

Де Винд уже собирался мысленно возразить, когда его внутренний диалог был прерван появившимся Серёгой.

– Всё мемуары читаешь?

Серёга был единственным русским в экипаже сухогруза «Истерн Стар». Он, конечно, говорил и по-английски, но с Вуле, с которым они, кстати, неплохо сдружились за время плавания – наверное, сказалось родство славянских корней – Серёга общался исключительно на великом и могучем. Де Винд не возражал – поминая о Кристине, ему всегда было приятно говорить на этом языке; к тому же, не считая произношения, Вуле он относительно легко давался.

– Ну, так… Пытаюсь добираться до главный, до мыслив. В этом пират умер добрый рассказчик, даже историк – изложил здесь чуть ли не половину жизни.

– Пошли, тебе будет интересно посмотреть. Как раз

по твоей теме.

– По моей теме? – озабоченно спросил Де Винд.

– Ага. Ты, видать, накликал. Подозрение на сомалистов у нас.

В животе у Вуле что-то зашевелилось. Не то чтобы слова Серёги его мгновенно испугали, но лишних приключений Де Винд совсем не желал. Конечно, когда он соглашался плыть через Аденский залив на гражданском судне, о гипотетической опасности пиратства в этом районе он знал. С другой стороны Саад, да и все в Дохе уверяли, что с бандитами давно покончено, и в последнее время суда здесь ходят абсолютно спокойно.

– А вы не ошибились?

– Может и ошиблись. Говорю, пошли сам посмотришь, – позвал за собой Серёга.

Де Винд отложил планшет и проследовал за русским. Они поднялись в рубку; кроме капитана-бирманца в ней присутствовал ещё Тоси, худой загорелый илок[8], как всегда с сигареткой в зубах.

Серёга взял бинокль и протянул его Вуле. Тот навёл прибор на указываемую русским точку на море, но разглядеть что-либо в вечернем полумраке было весьма проблематично. Немного настроив оптику, Де Винд, как ему показалось, стал различать очертания нескольких лодок, но не более того.

---

[8] Илоки – австронезийский народ, третий по численности народ Филиппин.

– No, no… Fishermen[9], – раздался голос капитана. Он уверенно отложил бинокль.

– Предупредительным дать по ним и нормально, – высказал мнение Серёга.

– Да рыбари это, – гневно отреагировал Де Винд.

– Ну рыбаки и рыбаки, хрен с ними, – немного разочарованно бросил русский. – В последнее время сомалистов мало, всех перешугали, переловили. Да хоть бы и пираты – оружие есть, охрана, чего… – с этими словами Серёга подошёл к радару и уставился в него.

– По правому борту тоже сомалисты, – объявил он.

Де Винд разозлился:

– Так сомалисты или рыбари?

– Fishermen, fishermen! Don't worry geek…[10] – произнёс Тоси по-английски со специфичным акцентом.

– Should I?[11] – Вуле обратил вопросительный взор на капитана.

– No. It's O.K., we're fine[12].

– You go read geek. No pirates, no danger[13], – издевательски добавил филиппинец.

«Смейся. Если что, то и тебе весело не будет, наркоман

---

[9] Нет, нет… Рыбаки (англ.).

[10] Рыбаки, рыбаки! Не переживай, ботан (англ.).

[11] А я должен? (англ.).

[12] Нет. Всё нормально, мы в порядке (англ.).

[13] Ты иди читай, ботан. Нет пиратов, для тебя нет опасности (англ.).

безмозглый…»

Де Винд озабоченно вздохнул и ещё раз бросил взгляд на коренастого бирманца, бывшего командиром на судне – тот был абсолютно невозмутим и излучал полное спокойствие, как, впрочем, и в любое другое время. Серёга как-то сравнил его с удавом – и впрямь между ними было что-то общее, даже чисто внешне.

Спустя пару минут, Вуле вернулся в кают-компанию. Повлиять на ситуацию он всё равно никоим образом не мог, а в рубке, похоже, вызывал одно лишь раздражение.

«Да и что они должны делать? Стрелять? А если это просто люди, рыбаки?..»

Решив, что каждый должен заниматься своим делом, и доверившись профессионалам, а экипаж «Истерн Стар», в общем и целом, можно было назвать моряками квалифицированными, Де Винд вернулся к тому, где разобраться, похоже, мог только он один.

Отсканированные фрагменты дневника конца XVII века… Автором записей был некий Томас Джеймс Нэш, крайне занимательная личность. По рождению британец, вероятнее всего корнями из Шотландии, этот господин отплыл из Европы под маской высокопоставленного чиновника, и в конечном счёте оказался фигурантом нескольких громких криминальных историй. Как следует из архивов, Томас Джеймс Нэш был активным участником пиратских набегов. Судя по всему, он был лично знаком со многими

другими опаснейшими разбойниками своего времени, хотя информации удалось найти крайне мало.

Материал в руках у Де Винда был настоящей находкой для историка, в особенности для исследователя морского разбоя нового времени. Но Вуле, с детства обожавшего историю, географию, да и все возможные науки во всех проявлениях, человека, посвятившего жизнь изучению прошлого нашей планеты, как ни странно, на этот раз интересовало совершенно другое.

Он вывел планшет из спящего режима и снова погрузился в текст.

Эта биография была куда прозаичнее многих других, что ему доводилось читать – автор дневника не был ни выдающейся личностью искусства, ни полководцем или завоевателем, да даже знаменитым пиратом он не был. Вуле однако это не смущало. Отнюдь, Де Винда интересовала только одна, едва заметная, может быть даже умышленно скрытая сторона рассказа, и дабы добраться до неё, он готов был на очень многое.

«В этих записях, если только мне повезёт… Если только мне улыбнётся удача… Ответы, сокрытые в этом тексте способны перевернуть науку. Перевернуть наши представления об огромном множестве вещей…»

По мере того, как Де Винд погружался в чтение, как и обычно, он постепенно переставал замечать что-либо вокруг. Привычные серые стены кают-компании сменялись

девственными тропическими лесами и бесконечно прозрачными солёными водами Карибского моря…

…В то же самое время небольшая группа чернокожих, самый зрелый из которых на вид был не старше двадцати пяти, в дешёвых джинсах и пёстрых разноцветных майках, некоторые в банданах или бейсболках, бесшумно, но ловко и стремительно вскарабкивались на борт сухогруза.

Толстоватый алжирец, вооружённый автоматом и бывший наёмником из частной охраны, ещё минут пять назад чинно прогуливавшийся по верхней палубе, теперь мирно сидел около фальшборта. Из глотки у него быстро сочилась кровь.

Глава IV
Бескорыстие благодетелей

Очертания суши, замеченные с палубы шлюпа, оказались южным краем Большого Инагуа – третьего по величине острова в бесконечном архипелаге Багам. Не став приближаться к дикой и ещё почти не тронутой человеческой цивилизацией земле, «Кокетка» вместо этого взяла курс норд-вест и короткими галсами пошла по направлению к Нью-Провиденс. Подход к центральному и наиболее заселённому острову был крайне затруднён. Многочисленные коралловые рифы и атоллы, окольцевавшие почти каждый кусок Багамской земли, были настоящим бичом местного сообщения. Провести сквозь них судно неповреждённым означало быть чертовски опытным капитаном, в противном случае требовался не менее опытный лоцман. К удаче Яна Баккера в его распоряжении имелось и то и другое, да и большинство членов экипажа были здесь не впервые, и в прямом смысле слова знали каждый подводный камень, который только мог встретиться в этой акватории.

Пройдя между кривыми, причудливой формы островами Крукед, в честь чего они и получили своё название от англичан, затем вдоль вытянутого Лонг-Айленда, оставив справа остров Кэт, а потом и Эльютеру, после продолжительного и весьма утомительного для команды лавирования, судно,

наконец, добралось до Нью-Провиденс.

В жаркий летний полдень, когда «Кокетка» бросила якорь в тихой бухте Чарлстауна, одного из двух основных британских поселений на Багамах, Нэш задумчиво стоял на носу. Щурясь от палящего солнца, он старался внимательнее разглядеть силуэты стоящих в гавани кораблей. Два из них были бригами или, что вернее, сноу[14], служившими скорее всего торговым целям. На клотиках возвышающихся в небо мачт развевались английские флаги. Чуть поодаль, расположившись аккурат за закрывающими обзор кораблями купцов, из-за чего Нэш не мог его как следует рассмотреть, маневрировало третье судно. В отличие от первых двух паруса на нём были заметно косыми, а флаги спущены.

Наблюдая за оживлённой пёстрой толпой на берегу, в которой теперь можно было даже различить отдельные фигуры людей, Нэш, однако, не разделял пронизывающего набережную радостного настроения.

С самого утра Том размышлял о том, как именно произойдёт его высадка на берег. До сих пор он ни разу и ни в одном разговоре не заявлял о своём желании сойти и, как следствие, покинуть команду. Возможно, в самом начале, когда они только ушли с Ямайки, это и предполагалось, но потом всё как-то закрутилось, и теперь Нэш вдруг осознал, что его решение на «Кокетке» могли и не принять. Он не об-

---

[14] Сноу (шнява) – двухмачтовое парусное судно с дополнительной шняв- (трисель-) мачтой позади грот-мачты.

суждал этих планов даже с людьми, которых мог считать своими единственными покровителями и друзьями – Энди и Николасом, что уж было говорить об остальных, многие из которых и вовсе не доверяли Нэшу и были настроены к нему крайне подозрительно. Нельзя сказать, чтобы он панически боялся физической расправы над собой, хотя подобный исход был вполне вероятен. Скорее он попросту не знал, что предпринять. Он понимал: задерживаться на корабле не имело смысла. Ничего общего, кроме вынужденного совместного путешествия, Нэш с этими оборванцами не имел и, что было более важно, не желал иметь в будущем.

Находясь в этом подвешенном и обременительном состоянии размышления, в какой-то момент он заметил, как со стороны шкафута к нему стремительно приближался коренастый матрос. Нэш повернулся к нему, а про себя подумал, что даже не знал его имени – это был один из сторонников Брукса, а ранее Мейсона, с кем он почти не пересекался на палубе. Коренастый с некоторой долей презрения и с выраженным отторжением посмотрел на Нэша, а затем быстро сказал:

– Баккер с тобой говорить хочет, малый. Иди к нему, да пошевеливайся.

Нэш не успел ничего сказать, как коренастый испарился. Нэш был удивлён, и сильно удивлён. До этого неожиданного приглашения, они с капитаном почти не сталкивались – возможно, перекинулись парой слов раз-другой, не более,

и Нэш даже не ручался утверждать, что Баккер знал его имя, или как Нэш попал на корабль.

Крайне заинтригованный, Нэш немедленно направился в покои капитана. Учтиво постучав, он только затем понял, что вряд ли подобный изысканный этикет когда-либо практиковался на «Кокетке» до него. Вскоре он услышал странный звук, похожий на рычание собаки. Это было, видимо, разрешение войти, и тогда Нэш открыл узкую тугую дверцу и проник в каюту.

Воздух внутри был ещё хуже воздуха в кубрике, к которому Нэш только недавно смог привыкнуть. В этот момент он с иронией про себя отметил, что Баккер в действительности был настоящим лидером – ему в одиночку удалось создать запах более гнусный, чем всей его команде вместе взятой. Кормовые окна, возможно способные спасти ситуацию, по неизвестной причине были наглухо залеплены какой-то дрянью, природу которой Нэш даже не брался определить. Обстановка тоже оказалась весьма скудной – грубый и покрытый вековым слоем грязи деревянный стол, заставленный грудой бутылок, да пара стульев, садиться на которые представлялось опасным для здоровья. В дальнем углу стоял небольшой сундук, выглядевший главной и единственной ценностью помещения.

Закончив беглый осмотр, Нэш обратил внимание на сидевшего в глубине Баккера. Образ его не сильно изменился с момента их последней встречи, когда был убит Мейсон –

те же усталые глаза и общий неряшливый вид. Капитан поманил Нэша рукой, но не успел тот придумать, какое место в этой узкой и затхлой каморке ему занять, как Ян пробасил:

– Ладно, к дьяволу! Я на пару слов.

Нэш понимающе кивнул и в итоге не нашёл лучшего, чем расположиться перед капитаном на полу. Баккер задумчиво почесал невыразительную бледно-чёрную бороду, которая от небрежного движения стала выглядеть ещё хуже, а затем сказал:

– Так значит, ты к нам на Ямайке забрался?

Нэш на секунду задумался, мысленно оценивая все выгоды и возможные последствия правдивой и лживой версий, пытаясь выбрать лучшую из них. Наконец, маятник склонился к честности, и он ответил:

– Да, там. Я бежал из Порт-Ройала, и мне нужно было как-то убраться с острова.

– Порт-Ройал, – повторил Баккер и погрузился в себя. Нэш подумал, что он, должно быть, вспомнил свои прежние приключения, связанные с погибшим городом.

– Ямайка, – вновь задумчиво пробормотал капитан. – Да, было время. Как мы там кутили, а?.. К дьяволу! Теперь всё пошло к дьяволу! – он произнёс это с гневом, но вместе с тем не сильно эмоционально, почти не повышая голоса.

– Да, выглядело это всё… не лучшим образом, – постарался поддержать разговор Нэш.

– Ну… по крайней мере, ты выбрался. Ты выкарабкал-

ся, парень, молодчина! – Баккер заметно повеселел и даже похлопал собеседника по плечу. Затем он добавил: – Жаль ублюдков, конечно… Слышал о Моргане?

Нэш улыбнулся. Хотя он и не был поклонником подобных деятелей, о знаменитом пирате родом из Уэльса он, конечно же, знал. Генри был примером умопомрачительной карьеры, о которой, как представлялось Нэшу, мечтал каждый морской бандит – легализованный разбой, притом крайне успешный и прибыльный, впоследствии адмирал военно-морского флота, и наконец, высокая административная должность – пост вице-губернатора Ямайки.

– Та ещё мразь была, хотя о покойниках зачем плохое говорить, – недобро улыбнулся Баккер. – Он отдал концы в восемьдесят восьмом, ну и там где-то на Палисадос[15] его и зарыли.

– Боюсь, после недавних событий от могилы его ничего не осталось, – заметил Нэш.

– Вот и я о чём. Не нашёл покоя чёрт, видать местечко в аду ему всё же приготовили, – абсолютно спокойно, будто говоря о чём-то, совершенно к нему не относящемся, заключил Ян.

Нэш вдруг вспомнил, что разговор, по идее, должен был быть совсем о другом, но оба отвлеклись, и Тома это не могло ни радовать – даже если впечатление было обманчивым,

---

[15] Палисадос – длинная песчаная коса (около 30 км) в заливе Кагуэй (сегодня – гавань Кингстона), на которой располагался Порт-Ройал.

теперь, как ему казалось, между ним и капитаном появилась какая-то призрачная сердечность. Он посмотрел на Баккера, который вновь почёсывал бороду. Капитан продумывал, как наиболее безболезненно перейти к неприятной для него теме. Наконец матёрый моряк прервал повисшую в каюте тишину:

– Так как говоришь тебя зовут?..

– Том Нэш.

– Говорят, что ты оказался неплох в морском деле, Томас.

– А, ничего особенного. Не верь слухам, – с искренней, хотя и выгодной для него в этот момент скромностью, отмахнулся Нэш.

– Где набрался этого ремесла? – поинтересовался капитан.

– Я немного занимался навигацией, когда учился в университете в Сент-Андрусе. Потом некоторое время ходил помощником на торговом судне.

– Вот оно что! Так ты значит парень бывалый, – Баккер расплылся в широкой улыбке, тем самым оголив челюсть, в которой не доставало нескольких зубов, а затем нагнулся ближе к собеседнику и, резко изменившись в лице, будучи теперь абсолютно серьёзным, произнёс: – Ну а как насчёт иного ремесла?

Нэш понимал, что ответ на этот каверзный вопрос чрезвычайно важен. Ему нужно было одновременно показать свою лояльность к неоднозначному делу, которым зарабаты-

вали себе на жизнь голландский авантюрист и его спутники, и вместе с тем каким-то образом отказаться от предложения, которое могло последовать, а в дальнейшем ещё и покинуть экипаж.

Как и ранее в подобных ситуациях, мысли в голове Нэша хаотически метались из стороны в сторону. Огласить неправильный ответ означало в раз перечеркнуть всю ту вереницу чудовищных неожиданностей и следовавших за ними удач, что сопутствовали ему с того самого момента, когда он переступил порог губернаторского дома на Ямайке. Ошибись он сейчас, и весь его тернистый и полный лишений путь оказался бы бессмысленным.

Нэш посмотрел Баккеру в глаза и твёрдо сказал:

– Я по природе не военный, но… умею общаться с людьми.

Его ставка сыграла – капитан не ожидал подобного отклика и оказался в некотором замешательстве. Когда разговор возобновился, он был направлен именно в то нейтральное русло, на которое и рассчитывал Нэш, хотя выбирая свой нестандартный ответ, он и представить не мог, что реплика не только избавит его от необходимости принятия невыгодного решения, но даже поспособствует реализации изначального желания.

– Вот что, Том… – внезапно заговорил капитан. – Мне, пожалуй, нужна будет твоя помощь.

– Помощь?

– Ребята на борту сильно волнуются. А теперь ещё и эта беда с Винсентом…

– Другими словами – есть риск бунта, – уверенно заключил Нэш.

– А ты смекаешь, кроме того ещё и дерзок. Далеко пойдёшь, парень, – похвалил Баккер.

– Почему ты говоришь это мне? Почему не кто-то другой?

– Ну, ты человек новый, зелёный, а потому сваливать тебе меня ещё пока рано, смысла нет. То же касается и Мейсона. Другие все повязаны – мне из них некому доверять.

– Рассуждаешь здраво… – Нэш тяжело вздохнул, потом спросил: – И чего ты хочешь?

– А ничего, – вновь заулыбался Баккер. – Просто будешь со мной работать, вот и всё. Осведомителем.

– Это вроде как на крыс тебе указывать?

– Схватываешь на лету, – голландец кивнул и откинулся к стенке.

Нэш судорожно думал о том, как перейти к вопросу о сходе на берег. По счастливому стечению обстоятельств, капитан будто прочитал его мысли и сам предложил выход:

– Да, кстати, Том… Помимо всего прочего, надо бы делишки в городе утрясти.

– Вот это уже интересно, – Нэш сильно оживился и даже забыл о мерах предосторожности, всем своим видом выдавая страстное желание добраться до твёрдой земли. К его очередной удаче, Баккер перемены настроения, похо-

же, не заметил – как и любой нормальный человек, он был, прежде всего, погружён в собственные заботы, а в сложившейся ситуации положение его было настолько незавидным, что ни о чём другом он и вовсе не волновался.

– Нужно с Джонсом языками потрясти, – объявил он суть задания. – Пошлём Брукса и тебя с ним. Гай говорить будет, а ты послушаешь, поглядишь. Потом мне всё расскажешь.

– Что за Джонс? – поинтересовался Нэш.

– Губернатор местный. Знатная сука, – Баккер встал и подошёл к столу. Найдя среди груды пустых бутылок одну, где на донышке ещё оставалось немного рома, он принялся жадно его вылизывать, а затем, поставив бутылку на место, вновь обратился к Нэшу:

– Но якшаться с ним придётся, тут уж ничего не поделаешь. Кстати, – он вдруг вспомнил, что теперь мог требовать с подчинённого информацию, – ничего подозрительного на борту не видел?

Нэш вспомнил о Бекки, а затем и о таинственном пассажире трюма. В следующий миг он пристально посмотрел на Баккера и решительным тоном ответил:

– Ничего, капитан.

– А кто квартирмейстера прихлопнул?

Перед глазами Нэша вновь появились лицо убитого Мейсона, а затем и кинжал с игральной картой. Он постарался поскорее прогнать эти образы из головы, а вслух небрежно бросил:

– Не имею понятия.

– Плохо. Ты осведомитель или кто, чёрт бы тебя побрал… – несколько обиженно протянул Ян и вновь принялся копаться в залежах на столе, видимо в поисках очередной порции спасительного напитка.

Нэш вспомнил загадочный силуэт и будто снова очутился в тёмном полумраке трюма. Не в силах вспомнить его лицо, хотя в действительности из-за освещения он его почти и не видел, перед Томом начали рисоваться совсем необычные сочетания – та самая чёрная фигура, но над её туловищем теперь красовалась мёртвая, неестественно синеватая голова Винсента. Внезапно она сменилась молодым лицом, в котором Нэш узнал Льюиса – чуть выше носа, там, где вы ожидаете увидеть продолжение кости, сверху обтянутое кожей, красовалась странной природы дыра, а внутри неё поперёк стоял кусок пергамента.

Страшное лицо вдруг громко поперхнулось, и Нэш увидел полупьяного Баккера. Тот, держа в руках бутылку, словно указкой махнул в сторону рук Нэша, весьма необычно и не к месту закрытых перчатками.

– А говоришь, что человек не военный. Что с руками тогда? – покачиваясь, пробормотал капитан.

Нэш внимательно, с выраженным любопытством посмотрел на свою левую кисть, будто услышал о протезе впервые. Затем, поворачиваясь к двери, бросил через плечо:

– Не повезло в своё время.

***

Спустя час или даже чуть меньше того, Гай Брукс и сопровождавший его Нэш, неспешным шагом приближались к длинному деревянному дому губернатора Джонса. В архитектурном плане жилище городского головы не впечатляло, но в рамках Чарлстауна ничего крупнее и примечательнее видеть не приходилось.

Вообще говоря, едва только Нэш переступил порог шлюпки и оказался на раскалённом песке, на котором и раскинулась большая часть поселения, он быстро понял, что ничего общего со столицей Ямайки здешний городок не имел. Если сойдя на причал в Порт-Ройале, он сразу же увидел следы европейской цивилизации, и, по большому счёту, единственное, что отличало ныне канувшую в лету колонию от тех же Плимута или Бристоля, было тропическим климатом и соответствующими ему флорой и фауной, то здесь, на Нью-Провиденс, всё выглядело иначе. Чарлстаун, хотя и признаваемый некоторыми оптимистами городом, в действительности был скорее дикой и непричёсанной деревушкой. Всем своим видом он словно напоминал приезжим правду о колонизации: освоение новых земель было отнюдь не весёлым путешествием. Скорее наоборот, процесс этот был долгим, тяжёлым и мучительным, полным опасных изнуряющих испытаний, которые, на пути к процветанию, неизбежно предсто-

яло пройти поселенцам.

Отразились на Чарлстауне и события, произошедшие здесь более восьми лет назад, и городок, казалось, так до сих пор и не сумел оправиться после сокрушительного удара, нанесённого испанцами в конце января восемьдесят четвёртого. В тот злосчастный день кубинский корсар[16] Хуан де Аларкон пришёл на Нью-Провиденс, чтобы совершить акт возмездия над английскими приватирами[17], топившими и грабившими испанские торговые суда, используя Чарлстаун, как базу и отправную точку, откуда они и совершали свои набеги. Не в силах противостоять организованному и хорошо подготовленному рейду, поселение быстро сдалось, и в результате было разрушено до основания. Большинство строений испанцы сожгли, а живших в них людей, среди которых было множество женщин и детей, либо убили, либо взяли в плен и угнали в Гавану. Не удалось избежать горькой участи даже тогдашнему губернатору Кларку, служившему офицером у Кромвеля[18] – его заковали в цепи и отдали в распоряжение инквизиции, где Кларк подвергся бесчеловечным

---

[16] Корсар (от франц. – corsaire; ит. – corsaro; исп. – corsario) – южно-европейский термин; то же, что и капер.

[17] Приватир (от англ. – privateer) – англоязычный термин; то же, что и капер. Обычно используется с целью подчеркнуть английскую национальность и/или принадлежность моряка.

[18] Оливер Кромвель (1599—1658) – английский государственный деятель и военачальник, лидер Английской революции (Английской гражданской войны), лорд-протектор Содружества Англии, Шотландии и Ирландии.

пыткам и в конечном счёте был заживо сожжён.

Возможно именно благодаря своей сложной судьбе и некоторой отчуждённости от цивилизованного мира, восстановленный спустя несколько лет из пепелища Чарлстаун, как и в прежние годы, вновь оказался облюбованным пиратами и прочим, сомнительного происхождения сбродом. Занимаясь не самыми пристойными видами заработка, люди такого сорта всегда находились в поиске тихих уютных пристанищ, где можно было спокойно и безопасно перекантоваться вплоть до следующего выхода в море.

Очевидно, что хорошим отношениям воров и убийц с Багамскими островами способствовала и местная власть, а точнее – её практическое отсутствие. Формально, конечно, здесь жил и работал губернатор Кадваладер Джонс, уроженец западного Уэльса, низенький, щуплого сложения пожилой человек. Но дело было в том, что общения с нечистыми на руку личностями он не только не чурался, но скорее наоборот, всячески искал подобных знакомств. С точки зрения долга и в глазах горожан, действия и политика Джонса были очень даже мудрыми – защитить себя самостоятельно колония не могла, постоянного присутствия английских военных кораблей на островах также не наблюдалось, а значит, особенно учитывая печальный опыт восьмилетней давности, губернатор просто обязан был придумать какой-нибудь выход. Тут-то и пригодились морские разбойники – пока они были в гавани, их суда охраняли поселение от непрошеных

гостей, и в результате довольными оставались все – как пираты, получившие таким образом надёжное укрытие, – так и колонисты, которым теперь становилось куда легче засыпать по ночам.

Но не одними только благородными помыслами об исполнении долга перед королём и его подданными существовал пронырливый Кадваладер. Вполне естественно, что он имел и личный интерес – выступая пайщиком и покровителем практически каждой отдельно взятой бандитской шайки, желавшей оперировать во Флоридском проливе и, как следствие, вынужденной базироваться на Багамах, губернатор Джонс получал колоссальные проценты с любой, даже самой небольшой добычи, которая только подворачивалась пиратам. Подобные отношения, как и в случае с обороной гавани, опять же были выгодны обеим сторонам, хотя для рядовых работников ножа и топора выгода зачастую была сомнительна. В большинстве случаев, после раздела награбленного, от тех золотых гор, которые им удавалось захватить, проливая собственные пот и кровь, в конечном счёте оставались сущие гроши – большую часть доходов забирали Джонс и подельники – местные купцы и арматоры[19], помогавшие снарядить корабли. С другой стороны, выбирать им особо не приходилось – отказавшись от сотрудничества с губернатором и его хитроумной системой, дерзкие одиночки оста-

---

[19] Арматор – лицо, снаряжающее за свой счёт каперское или пиратское судно и получающее процент от его добычи.

вались не только без укромного пристанища, но и без документов, разрешающих разбой на полностью легальных основаниях, что сразу же превращало их в опасных и всеми преследуемых преступников, наиболее вероятным исходом для которых была виселица.

Именно хитрое, чванливое лицо Джонса первым делом и приметил Нэш, как только вошёл в просторную и залитую светом обеденную комнату губернаторского дома. В помещении стоял крепкий табачный дым, кроме того пахло смолой и деревом. Посередине комнаты был накрыт огромный круглый стол из цейлонской эбеновой древесины. Вокруг него, покуривая трубки, сидели четыре человека.

В дальнем углу, у окна, сам Кадваладер – парика на нём не было, и взору Нэша предстали несколько жидких седых волос. Одет губернатор был в какой-то рыжеватый камзол, не слишком представительный, но всё же выделяющий его на фоне тех двух, что сидели по его правую руку.

Один из них, лет сорока с виду, носил грубую щетину и средние по длине тёмные волосы; под глазом виднелся крупный шрам, вроде пореза. По его дешёвой, практичной одежде и твёрдому, полному решимости лицу, можно было почти с уверенностью говорить о том, что мужчина, как и Нэш с Бруксом, имел прямое отношение к ремеслу моряка. Подле него возвышался исключительно колоритный персонаж – огромный чернокожий гигант, мускулистый торс которого был оголён до самого пояса, украшенного алым куша-

ком. Наконец, слева от Джонса, чинно раскинувшись на стуле, восседал тучный коренастый человек, на голове носивший традиционный беловатый парик.

Появление двух новых гостей заставило ранее прибывших отвлечься от своих бокалов и курительных трубок и обратить на них внимание. Губернатор демонстративно приподнял руки и радостно приветствовал молодых людей:

– Гай, мальчик мой! А вместе с ним – новое лицо…

– Доброго здоровья, Кадваладер. Это Том, прибился к нам на Ямайке, – представил спутника Брукс.

Нэш в ответ кивнул Джонсу, который, в свою очередь, не преминул познакомить его с остальными:

– Джентльмены Роберт Хейден и его извечный компаньон Смол. Ну а это, – губернатор грациозным жестом указал на полного мужчину слева, – многоуважаемый мистер Чаддок, предприниматель и залог ровно каждого нашего успеха.

Затем мужчинам предложили сесть – специально для них приказали принести несколько стульев. Когда суматоха, связанная с размещением за столом, наконец, улеглась, Джонс обратился к Бруксу:

– Любезный Гай, не соизволишь ли ты объяснить нам, почему не явился наш дорогой капитан Баккер?

Брукс надменно улыбнулся и, подражая издевательской манере губернатора, ответил:

– Смею предположить, сие недоразумение оттого, что достопочтенный капитан любезным образом изволил наложить

в штаны.

Кадваладер, Хейден и Чаддок принялись неистово хохотать, и только здоровенный негр, которого губернатор наименовал Смолом, оставался абсолютно невозмутим – когда их взгляды встретились, Нэш заметил, что темнокожий верзила пристально за ним наблюдал.

Хорошенько прокашлявшись и заглушив приступ глотком из стоявшего перед ним бокала с вином, Джонс неожиданно принял холодный вид и произнёс:

– Ублюдку лучше бы не в игры играть, а расплатиться по счетам, иначе он сильно рискует окончательно потерять моё расположение.

– Ян спёкся, Кад. Ему нечего тебе вернуть, – равнодушно ответил Брукс, одновременно протягивая руку к блюду с фруктами.

– Вы же только вернулись из предприятия? – поинтересовался человек со шрамом на лице, которого губернатор назвал Робертом Хейденом.

– Рейд полностью провалился. Мы не достали и шиллинга, а кроме того, – Гай оценивающе посмотрел на большую сочную грушу, затем немного покрутил её в руках, словно определяя спелость, и, наконец, жадно откусил, – в плавании случилось дерьмо похлеще – прямо на борту пришили Мейсона.

– Мейсона? Того, которого квартирмейстером выбрали? – переспросил Хейден.

– Его. Моего любимого старика Винса, – с набитым наполовину ртом, не без присущего ему обычного цинизма пробубнил Брукс.

– Как такое могло произойти? – удивился Джонс.

– Дьявол его знает. Винс подбивал людей против Яна, так что ежу понятно, кому было выгодно его рыбам скормить.

– Брехня.

Удивлённые взгляды всех присутствующих сошлись на том, кто нарушил сложившуюся гармонию беседы. Их удивление возросло ещё сильнее, когда они осознали, что это был вплоть до сего момента хранивший молчание Нэш.

Увидев, что вызвал интерес, и что всё внимание было теперь обращено к нему, он поспешил добавить:

– Его убили не Баккер и не по его приказу. Я склонен думать, что эта смерть вообще не связана с бунтом.

На несколько секунд в комнате воцарилось молчание – мужчины как бы переваривали предоставленную Нэшем информацию. Первым тишину прервал не на шутку взбешенный Брукс:

– Ты что мелешь, щенок? Много ли ты понимаешь?!

– Уж побольше твоего, – с вызовом ответил Том.

– Что?! – от подобного хамства и наступившей за ним ярости Брукс чуть было не рухнул со стула. – Да я тебе язык вырву, кальмар!

– Тихо, тихо, – властно охладил его Джонс. – А щеночек-то с огоньком, – злорадно заулыбался он, подмигивая

сидящим напротив Хейдену и Смолу. Потом он обратился к Нэшу: – Тебя, должно быть, Йоханнес уже своим доносчиком успел заделать?

Том мигом растерялся. Он никак не ожидал, что его личность будет раскрыта настолько быстро, хотя нужно сказать, что слова в поддержку капитана, ранее из него вырвавшиеся, никак не были связаны с поручением Баккера. В действительности он их даже не контролировал – слова эти оказались произнесены машинально, и были озвучены прежде, чем он успел подумать об их целесообразности. Виной тому послужила врождённая и укреплённая воспитанием тяга к справедливости, зачастую сомнительной.

– Послушайте, я… – неуверенно начал Нэш, только теперь в полной мере осознав, насколько фатальную ошибку он совершил, дав волю эмоциям.

– Заткнись к чертям собачьим, ты себя уже приговорил, – грубо оборвал его Брукс.

– Я вот что думаю, – неожиданно вмешался Хейден, – малыш мог попасть не в своё дерьмо. Лишнее мясо в море нам не помешает, а решить всегда успеем.

– Мне на это наплевать, – отмахнулся Джонс, тем самым, по всей видимости, отсрочив гибель Нэша. – Что меня действительно волнует, так это моя доля.

– Монетки свои получишь, старик, будь спокоен, – заверил его Роберт.

– Я ещё не знаком с условиями, – поспешил напомнить

присутствующим вновь взявшийся за фрукты Брукс.

– Всё просто и почти, как в прошлый раз, – обернулся к нему Хейден, а затем, перейдя на более деловой тон, как будто находясь на приёме в одной из лондонских банковских контор, чётко проговорил: – Две доли от приза капитанам и квартирмейстерам; канонирам, боцманам и мистеру Оукли, хирургу с «Каприза», по полторы. Рядовым джентльменам по доле, плюс страховые. Ну и наши добрые благодетели – шесть долей его превосходительству, и ещё пять мистеру Чаддоку.

– Пять с половиной, – попытался поправить его толстяк в парике.

– Мы это уже не раз обсуждали, Кристофер. Ты получишь ровно пять долей и не золотым больше, на что ты лично давал согласие.

– Я тебя загружу одними сухарями, ублюдок жадный, – полушутливо, но в то же время угрожающе заметил Чаддок.

– Ты бы в любом случае загрузил меня проклятыми сухарями, гори они в аду, – заулыбался Хейден, всем своим уверенным видом показывая вымогателю, что вытрясти из него большее не получится.

– Что с Баккером и «Кокеткой»? – поинтересовался Брукс.

– Ну, что касается договора, его я уже огласил. Условия одинаковы для обеих команд. Подтянешь к вечеру ребят в трактир, там и посвятим всех, и людей по местам расста-

вим. А по поводу голландца… – Нэш заметил, как Роберт переглянулся с Джонсом. Маленькие чёрные глаза губернатора сузились, а на узком морщинистом лице проскользнула едва заметная ухмылка.

Наконец Хейден повернулся к слушающей его аудитории и двусмысленным тоном объявил:

– Будем решать.

***

Вечером того же дня, как и было условлено, две пиратские команды в полных составах собрались в местной таверне, устроив тем самым небывалый для обычного времени аншлаг, чем немало обрадовали хозяина заведения. С «Каприза», той самой быстроходной шхуны с косыми парусами, лавирование которой в бухте и наблюдал Нэш несколькими часами ранее, людей было больше – человек сорок или даже пятьдесят, в отличие от экипажа «Кокетки», в котором насчитывалось не более двадцати пяти моряков.

Командовал «Капризом» выходец с берегов Трента, уроженец Ноттингема, сорокатрёхлетний капитан Роберт Хейден, которого среди друзей, а каждый из ходивших с ним людей имел право считаться таковым, если только какой-либо гадостью не доказал обратного, называли просто Бобби, а иногда – Кровавый Бобби. Едва ли стоит уточнять, в каких случаях использовалась эта приставка, да и не сказать, что

к ней прибегали так уж часто – Хейден, хотя и был в своём деле вполне себе успешен и уважаем, излишней жестокостью или жаждой кровопролития никогда не славился.

Квартирмейстером у него на корабле, а в действительности абсолютно равным ему по правам компаньоном и близким другом, являлся огромный, невероятной физической силы африканец по прозвищу Смол. Нэш, от природы весьма любознательный и любивший докапываться до всяких мелочей, не преминул поинтересоваться, откуда повелось такое забавное имя – оно не было дано от рождения и, несмотря на то, что на первый взгляд выглядело словно обычная английская фамилия, в сущности являлось кличкой, причём несущей под собой определённый смысл. Разгадка оказалась банальной – прозвище восходило к чрезвычайно тёмному оттенку кожи гиганта, который его товарищи весьма прозаически сравнили со смолью.

Так или иначе, Смол на подобную кличку не только не обижался, но даже наоборот, всецело её принимал – своё настоящее имя он давно позабыл, а если и вспомнил бы, едва ли у этого имени был шанс прижиться среди выходцев из Европы. Они бы его и выговорить не смогли! В то же время то, как его стали называть потом, когда он приобщился к западной цивилизации, Смол предпочёл забыть. Всё дело в том, что в мире белых он был бежавшим рабом.

В кандалах и цепях, влача жалкое существование невольника на французском острове Гваделупа, он прожил долгие

и полные лишений два с половиной года, пока не сумел однажды бежать. Смолу повезло: он прибился к небольшой пиратской шайке и за свои недюжинные физические способности и верную, даже животную преданность команде и капитану, африканец быстро снискал уважение и успех в кругу пиратов. Сменив несколько экипажей и побывав в ряде знатных дерзких экспедиций, как говорят, одно время походив даже в команде нашумевшего своими удачами капитана Тейта, Смол впоследствии оказался на «Капризе», где, уже достаточно заматерев и набравшись немало опыта, являлся, по сути, вторым человеком после Хейдена.

Оба, и свирепый чёрный гигант Смол, и дальновидный расчётливый капитан Бобби Хейден, обладали в команде «Каприза» неоспоримым авторитетом, к слову – абсолютно заслуженным, и потому без лишних раздумий были моментально подтверждены в своих руководящих должностях и на предстоящий рейд.

Что касается «Кокетки», то здесь, как и ожидалось, вышел спор – впрочем, будучи направленными именно к тем решениям, которых и ждали от них Хейден и покровители похода, моряки в итоге сделали свой неоднозначный выбор.

Квартирмейстером, взамен убитого Мейсона, ожидаемо назначили Гая Брукса, его известного протеже. А вот тот удивительный факт, что капитаном вновь был избран голландский пьяница и неудачник Йоханнес Баккер, и это после абсолютного провала прошлого похода, из которого моряки

с «Кокетки» вернулись не то что с пустыми руками, а ещё и круглыми должниками, вызвал вопросы у многих. Хейден, впрочем, поспешил всех успокоить и заверить, что на этот раз всё будет иначе, хотя бы благодаря тому, что теперь они были не одни – «Капризу», несмотря на название, всегда сопутствовал успех, да и своевольничать Баккеру больше бы не позволили – шлюп ныне входил в миниатюрную эскадру, и самопровозглашённым адмиралом этого формирования, очевидно, нужно было считать трезвого как стёклышко Бобби.

После непродолжительного голосования о высших офицерских постах, уже прилично запьяневшие (а хозяин заведения хорошо знал, как использовать такие возможности), моряки приступили к оформлению договорённостей и всевозможным клятвам. Зрелище это было забавным – даже для раздосадованного последними событиями Нэша, и заставило его вернуться к окружающей бренной действительности. После перечисления внушительного и довольно скучного списка статей или пунктов, сводившихся в основном к правилам дележа и необходимости соблюдать дисциплину во время похода, пираты клали правую руку на принесённую кем-то ветхую Библию и произносили молитву – кто какую знал, а зачастую толком не зная слов ни одной, и кощунственно их перевирая. Затем они крестились, целовали пергамент, и совершали всяческие другие обряды, порой крайне занимательные, но в их представлении тесно связанные

с принятыми в христианском мире.

Нэш, смотря за этими ритуалами, пребывал в смешанных чувствах. Картина, с одной стороны, неприятная, особенно зная, что уже через пару дней эти люди достанут ножи и начнут убивать себе подобных, – что примечательно, не чувствуя на этот счёт ни малейших угрызений совести. С другой стороны, многие пираты казались весьма искренними в своих обещаниях, и подобным актом будто заранее раскаивались за всё зло, что им предстояло совершить. Если вдуматься, многим из них выбора судьба не оставила: взять одного – беглый каторжник, вполне возможно незаконно осуждённый, а скорее совершивший какую-нибудь детскую провинность; другой – обнищавший разорившийся крестьянин, которому в случае возвращения к прежней жизни, грозили долговая тюрьма и рабство.

Впрочем, самому Нэшу сейчас было не до философских размышлений о справедливости устройства бытия. Он понимал, что планы его рушились с неумолимой скоростью – ему необходимо было поговорить с губернатором Джонсом наедине, и наконец раскрыть свою истинную личность, а сделать это в нынешних обстоятельствах было крайне затруднительно. Нэш не представлял, как выбраться из-под постоянного наблюдения Хейдена, Брукса и других бандитов. Более того, он не знал, что с ним будет, если его заподозрят в каком-либо нехорошем умысле, но наверняка догадывался об одном: шансы остаться в живых в этом случае стреми-

лись к нулю. После той несдержанности, которую он позволил себе за обедом у Джонса, Брукс явно точил на него зуб, и только капитан «Каприза» Хейден, по неизвестной причине сделавшийся его защитником, сдерживал Гая от агрессии по отношению к Нэшу.

К одиннадцати часам градус алкоголя в большинстве собравшихся в таверне зашкаливал: некоторые заснули прямо за столами, другие начали буянить и громко возмущаться, и тем самым чуть было не развязали массовую пьяную драку.

Видя обстановку вокруг, Нэш понимал, что сейчас, вероятно, судьба предоставляет ему последний шанс, который он просто обязан был разыграть. Он также осознавал весь риск того, что собирался предпринять, но выбора не было – как потенциальный будущий джентльмен удачи, он должен был испытать эту вёрткую бестию.

Аккуратно встав со своего места в тёмном, сыром, прокуренном насквозь углу таверны, Нэш проскользнул к массивной дубовой двери, ведущей на улицу. Нервно обернувшись, и ещё раз окинув взглядом панораму зала, он нашёл глазами Хейдена и Брукса – оба хорошенько надрались и теперь о чём-то оживлённо спорили в тесном кругу моряков, не обращая внимания ни на что вокруг. Убедившись в том, что остался незамеченным, Нэш медленно приоткрыл дверь и прошмыгнул во мрак тропической ночи. Внимательно следившего за его действиями Смола он не заметил – тот сидел в плохо освещённом противоположном углу и видел каждый

его шаг.

Оказавшись на улице, Нэш с облегчением выдохнул – в сотне футов вокруг не было ни живой души, ни единого часового. Все они либо несли вахту на кораблях, либо присоединились к всеобщему веселью внутри трактира.

Быстро сориентировавшись на местности, он, внезапно начав сильно хромать на левую ногу, засеменил в направлении продолговатого бревенчатого дома. Взобравшись на узкое крыльцо, Нэш застучал: стараясь делать это как можно тише, вместе с тем так, чтобы было слышно внутри. Через пару минут в прихожей наконец послышалось шуршание, а спустя мгновение бесконечную песню цикад нарушил недовольный хриплый голос:

– Какого чёрта? Что за дьявола принесло в такой час?

– Это Нэш. Я был у вас сегодня днём.

Дверь с неприятным скрипом отворилась, и перед Томом появилась сутулая фигура его превосходительства – из одежды на нём был один лишь ночной халат. Джонс держал в руке подсвечник, бросавший тень на недовольное лицо. Он грубо спросил:

– Так какого дьявола тебе надо?

– Дело крайне важное, сэр. Прошу вас, разрешите мне войти, – Нэш старался говорить как можно вежливее, но в то же время убедительно.

Губернатор фыркнул, но позволил Нэшу войти. Тот проковылял до ближайшего стула, и Джонс с удивлением уста-

вился на него:

– Пару часов назад ты вроде не хромал?

– Должно быть, вы просто не заметили, – поспешил объясниться Нэш. – Но речь не об этом.

Кадваладер пробубнил под нос какое-то ругательство и запер дверь. Затем он вопрошающе посмотрел на Нэша:

– Ну, и что стряслось?

– Всё дело в том, сэр, что я вовсе не бандит и уж тем более не пират.

Губернатор устало рассмеялся.

– И ради этого ты меня поднимал, собака? – сквозь смех, обиженно проговорил он.

– Нет, не ради этого, – серьёзно продолжил Нэш. – Как я уже сказал, я не разбойник и только волею судьбы оказался на их судне. Я прибыл в Порт-Ройал с важной государственной миссией, но мои планы были нарушены чёртовым землетрясением. В результате я был вынужден покинуть Ямайку, так и не успев обговорить дела с его превосходительством губернатором Уайтом.

– Государственной миссией? – несколько оживился Джонс.

– Так точно, сэр. Речь идёт об операции национальной важности, курируемой самим светлейшим Генрихом Сомерсетом, герцогом Бофортом. При ведущих европейских дворах серьёзно обеспокоены происками испанцев, которые, по данным английских доносчиков, разослали уже с десяток

дорогостоящих экспедиций по всем океанам. В соответствии с последней имеющейся у меня информацией, одна из таких экспедиций сейчас находится здесь, в Вест-Индии.

– Что они ищут?

– Это-то мы и хотим выяснить, ваше превосходительство. Испанцы зовут свою миссию «Платон», по имени античного философа, что описывал в своих трудах погибший в морской пучине остров, а может быть даже и целый континент.

Джонс застыл на месте, пристально смотря на собеседника, словно тот изрёк нечто глубоко зачаровавшее разум губернатора. После продолжительной паузы, он вдруг расхохотался пуще прежнего.

– Будь я проклят, чудные небылицы сегодня рассказывают в Англии!

Нэш сразу понял, что Джонс даже не думал всерьёз отнестись к сказанным им словам, а каким способом можно было убедить его в их правдивости, Том пока не представлял.

– Слушайте, Кадваладер, – смело начал он. – Я плыл на Ямайку, чтобы раздобыть информацию о Карибской экспедиции, которой, по нашим сведениям, обладал губернатор Уайт. Дьявольски важную информацию. Но злой рок рассудил иначе, и какие бы тайны не хранились в голове у мистера Уайта, теперь они покоятся под грудой камней.

С этими словами он неуклюже поднялся и угрожающе приблизился к Джонсу. Тот попытался отстраниться, но Нэш был неумолим – он продолжал свою разгромную речь:

– Как видите, судьба была ко мне не слишком благосклонна, но я всё ещё жив, а потому намереваюсь исполнить возложенное на меня поручение, чего бы оно ни стоило. В связи с этим, тешу себя надеждой, что и вы, как представитель королевской власти, также выполните предписанный вам долг, и окажете помощь Англии, а именно – её подданному в моём лице.

Нэш мог бы сказать ещё многое – он не на шутку разбушевался и питал жгучее отвращение к насквозь прогнившему, с головой погрязшему в коррупции и преступлениях чиновнику.

Однако совершенно неожиданно он замолчал, и тупо уставился в черноту за спиной Джонса.

Губернатор непонимающе обернулся. Ничего не было, дверь была заперта. Джонс испуганно посмотрел на Нэша. Тот молчал и только продолжал сверлить глазами не то самого Кадваладера, не то мрак вокруг него. На некоторое время в комнате установилась мертвецкая тишина, от которой Джонсу стало не по себе – в ушах стоял неприятный свист, исходящий откуда-то изнутри, а всё, что он видел, было странное лицо Нэша, в тусклом свете канделябра приобретавшее какой-то причудливый бледноватый оттенок.

Вдруг гость спросил:

– Вы тоже заметили?

– Заметил что? – переспросил уже не на шутку взволнованный Джонс.

– Тень промелькнула. Вроде рослого человека, – пояснил Нэш, также не без доли тревоги в голосе. Потом он резко изменился в лице и совершенно спокойно произнёс: – Должно быть, показалось. Освещение такое. Не волнуйтесь, Кадваладер.

Физиономия Джонса вновь наполнилась цветом и жизнью. Он смахнул со лба несколько проступивших капель.

– Кхм… Что ж… – он не мог собраться с мыслями. Потом наконец взял себя в руки: – Теперь тебе лучше уйти… По поводу твоей просьбы: не переживай… Конечно, я помогу. Отошлю письма кому надо, наведу справки.

– Было бы отлично, – холодно ответил Нэш.

– Естественно, это займёт некоторое время. Возможно, дело затянется. А посему пока ты на мели, я бы советовал уйти с остальными в запланированное предприятие, развеяться немного. Ну а к тому моменту, когда вы вернётесь, у меня для тебя как раз появится свежая информация.

Нэш отвёл взгляд. Незатейливое предложение выглядело скорее вынужденной мерой, отказаться от которой не представлялось возможным. Подняв глаза на губернатора, он заставил себя кивнуть.

Вновь оказавшись на улице, Нэш глубоко вдохнул. Дневная духота немного спала, с моря дул лёгкий ветерок.

Он снова пребывал в смешанных чувствах, и разговор с Джонсом ничего толком не изменил – теперь иллюзии Нэша относительно колониальных властителей были полно-

стью рассеяны, и он отчётливо осознавал, что губернатор, на самом деле, едва ли собирался что-либо для него делать. Все его заверения были не более чем словами. Даже если бы он захотел помочь, переписка с другими колониями заняла бы немало времени. А время было драгоценно для англичан: специфика дела была такова, что за эти месяцы соперники могли ещё ближе подобраться к цели – если не вовсе достичь её.

Помимо всего прочего, Нэша обуревала сильная тревога. По необъяснимой причине, у него в голове и перед глазами вновь крутились изображения карт. Нэш смотрел за червонным валетом, окружённым странным, неприятным взору алым фоном. Неожиданно изо рта статного юноши заструилась мутная, гадкого вида пурпурная жидкость. Её становилось всё больше, и вскоре она залила юношу полностью. Затем Нэш увидел ещё несколько рядов карт, они были повсюду – бубны, трефы, дамы, короли…

Он вдруг заметил, что одного валета не хватало. Приглядевшись, он нашёл его – карта не стояла, как другие, а лежала плашмя.

Красноватая жижа заполняла всё вокруг. Она налипала на каждую карту, просачивалась во все уголки, проникала в тело каждого изображённого на пергаменте.

Нэш провёл рукой по лицу и вновь увидел ночной Нью-Провиденс. Тело Нэша дрожало, как если бы продрогло от холодного дождя.

Он обернулся на губернаторский дом и вновь почувствовал тревогу. Он боялся, что ночью с Кадваладером Джонсом случится страшное, хотя с чего у него появились подобные опасения и имели ли они под собой основания, объяснить он не мог.

Сжав зубы, он постарался успокоиться. Он решил, что ему всё привиделось или показалось. Ещё раз всё обдумав, он, наконец, засеменил в направлении причала.

Глава V
Совместное предприятие

В последующие за собранием дни в Чарлстауне в основном занимались подготовкой к предстоящему походу. «Кокетка» подверглась процедуре кренгования – шлюп вытащили на берег и положили на бок, после чего моряки принялись за работу. Сутки напролёт они латали повреждения корпуса, смолили и красили дерево, очищали подводную часть от нароста ракушек и прочего мусора, с виду безобидного, но на деле исключительно отрицательно влиявшего на ходовые качества.

Активная деятельность наблюдалась и вокруг «Каприза». На третий день после обеда у Джонса, Чаддок, как и обещал, прислал Хейдену весь необходимый провиант. Ассортимент его, хотя и был скуден и практически целиком состоял из одной только солонины, сухарей, гороха и бобов, тем не менее моряков, людей в части пищи абсолютно неприхотливых, полностью устраивал – простота, надёжность и возможность долгого хранения этих продуктов в плавании были куда важнее вкусового разнообразия.

Нэш в приготовлениях почти не участвовал. Окружающим казалось, он был занят собой, и хотя отлынивание от работы едва ли могло быть расценено положительно, к бесцельному шатанию Нэша, вероятно в силу того, что его по-

ложение в экипаже было не до конца очевидным, в основном относились благосклонно. Во всяком случае, он старался никому не досаждать. Ни излишним присутствием, ни какими-либо расспросами он не мешал работающим людям, и этого уже было достаточно.

На самом же деле, о чём, по всей видимости, никто не догадывался, шастанье Тома вокруг пристани и по поселению было не таким уж бессмысленным.

Изо дня в день, обычно с самого утра, Нэш неспешно прохаживался мимо губернаторского дома. В какой-то момент он незаметно подсматривал в одно из окон, и каждый раз с успокоением убеждался, что со стариком Кадваладером Джонсом всё в полном порядке.

Следующей точкой назначения, куда Нэш неуклонно наведывался, был затхлый трюм «Кокетки». Порой, когда он точно знал, что большинство моряков в это время находились на берегу, и он не будет застигнут врасплох, за чем непременно последовало бы множество неудобных вопросов и подозрений, Нэш оставался в отсеке подольше и тщательно исследовал каждый его уголок. К его удивлению, которое, впрочем, через несколько дней улетучилось, и превратилось в одно большое желание разобраться, в чём здесь было дело – таинственного обитателя трюма на месте больше не было.

В кромешной темноте и серьёзно ограниченном пространстве отсека, другой на месте Нэша ужаснулся бы от мысли, что загадочный силуэт может быть где-то побли-

зости, в паре шагов от него, сокрытый тенью; что он в любой момент может схватить незваного гостя за плечо или, того хуже, ударить кинжалом в спину. Но спустя пару бесплодных визитов в трюм, Том уже буквально мечтал, чтобы «призрак» вновь дал о себе знать. Нэш шарил руками по стенам и полу, негромко звал таинственного пассажира голосом, но всё было тщетно – его как след простыл.

Нэш предположил, что «призрак» скорее всего сумел незаметно выбраться на берег, а значит должен был теперь находиться в Чарлстауне. Следуя этому выводу, Нэш методично прочёсывал город – он заходил в портовый трактир, подолгу всматриваясь в сокрытые в полумраке лица. Он бродил по улочкам поселения, заглядывал в немногочисленные лавки и заведения, прогуливался по пустынному пляжу. Так или иначе, оставалось только завидовать таланту незнакомца из трюма оставаться абсолютно незамеченным – ему удавалось скрываться ото всех как на корабле, так и на суше, причём в не самом крупном поселении, большинство обитателей которого отлично знали друг друга.

В какой-то момент Нэшу в голову пришла странная и даже пугающая мысль – а была ли вообще эта встреча наяву, или же она ему приснилась, а затем укрепилась в памяти так, словно всё происходило в реальности? Нэш не вполне представлял, как именно он собирался проверить эту версию, однако, подгоняемый гнетущим бездельем и желанием разрешить мучившую его загадку исчезновения, в один ве-

чер он всё же вновь направился к деревянному люку, ведущему в трюм «Кокетки».

Спустившись, он почему-то моментально почувствовал, что как и прежде, был здесь совершенно один – возможно тому послужило уже укоренившееся в сознании пессимистическое ожидание не найти ничего, кроме груды бутылок.

Нэш в очередной раз посмотрел на бутылки, и в голове тут же родилась мысль. Он добрался до приблизительного местоположения силуэта в момент их последней и единственной встречи и стал ощупывать дощатый пол. Его смекалка оправдала себя – на полу лежали какие-то предметы, на ощупь и по весу вроде полупустых бутылей, явно разбросанные довольно хаотично, а не расставленные по рядам. Нэш потянул руку за одной из них, когда внезапно услышал детский голос:

– И что это ты там делаешь?

Нэш поледенел. Он не понимал, как мог кому-то попасться, ведь он точно знал – на корабле сейчас были только несколько вахтенных, да и те дремали на верхней палубе.

Резко обернувшись, Том немного расслабился – голос был не детский, как ему сперва показалось, а женский, и принадлежал проститутке Бекки, с которой они вместе выбирались из Порт-Ройала, и с тех пор практически не пересекались.

– Полез за бутылкой чего-нибудь покрепче. Голова трещит, – улыбнулся Нэш.

Бекки недоверчиво прищурилась.

– Пойла и в этом углу предостаточно. Зачем было лезть в самый дальний?

Нэш почувствовал лёгкое раздражение.

«Какого дьявола эта девка лезет в чужие тайники, когда сама находится здесь только из-за покровительства Брукса?»

– Там меньше света. А значит, сохранилось больше вкуса, – он вновь улыбнулся, стараясь добавить словам как можно больше обаяния. Договорив, Том не глядя схватился за первую попавшуюся бутылку и подошёл ближе к девушке.

– Знаешь, Нэш, – начала она, – я могу быть шлюхой, но я не идиотка.

– Впечатляющее сочетание, – с улыбкой заметил Том.

– Я понятия не имею, что за чертовщина у тебя на уме, но скажу одно – ты и без того в крупном дерьме. Не окажись в ещё большем.

– Ну, ты не первая, кто говорит мне о дерьме.

– Ты ни черта не понимаешь! – гневно крикнула Бекки. – Брукс хочет твою голову, он тебя прикончит!

– С чего ты взяла?

– Он тебя ненавидит. Сначала он убьёт тебя, потом меня… Нэш, послушай, он страшный человек, не вставай у него на пути!

Томас был удивлён – не словами Бекки о Бруксе, ведь он и сам чувствовал его отношение к себе, хотя и не знал причины, да и окружающим оно наверняка было заметно… Он был удивлён другим – он не понимал, отчего она заговорила

об этом с ним, к чему она вела.

– Почему ты боишься его? – спросил Нэш.

Бекки потупила взгляд.

– У каждого из нас – свои секреты, – загадочно проговорила девушка.

– Мой ты уже знаешь.

Бекки хитро заулыбалась:

– Один, но не другие.

Она приблизилась к Нэшу и осторожно дотронулась до его груди. Опытным глазом Бекки легко заметила, как в глазах мужчины проблеснул огонёк.

Девушка игриво толкнула Нэша на стоявший позади закупоренный бочонок. Она наклонилась к нему и принялась внимательно изучать крепкую шею, крупный, немного заострённый подбородок. Нэш притянул её за талию, вдохнул пламенные кудри, коснулся маленького, чуть-чуть смешного носа…

Их губы соединились.

Бекки попыталась стянуть с него рубашку, та не давалась, застревала, но вот уступила, а затем…

…Бекки резко отпрыгнула, словно обожглась. В её глазах было не столько удивление – в круглых, ещё немного детских зелёных глазах таился страх.

На лице Нэша проступила странная, несколько гнетущая ухмылка, и в слабом освещении трюма он в самом деле показался ей каким-то двуногим чудовищем.

С трудом превозмогая отвращение, рефлекторно приложив руку ко рту, она уставилась на обезображенное тело.

Вся левая сторона туловища Нэша, от самой кисти до пояса, была целиком и полностью изуродована ужасными шрамами. Это была не человеческая кожа, вернее, может, она когда-то ей и была, но только не теперь. Теперь это была затверделая, мёртвая, обугленная в костре шкура. На левой части груди зияли глубокие, иссохшие до основания раны. Правая сторона торса, практически ровно симметричная описанной, как ни странно, была абсолютно заурядным телом белого человека, и именно от этого чудовищного разграничения, двуличия в прямом физическом смысле этого слова, Бекки становилось особенно жутко.

Нэш, казалось, упивался её отвращением. Он демонстративно сорвал с левой кисти перчатку, обнажив деревянный протез, прямиком переходящий в обугленную шкуру. Затем приподнял штанину, и Бекки открылся очередной кусок горелого мяса, в прошлом, по всей видимости, бывший мужской ногой. В отличие от руки, где дерево заменяло только кисть, а остальная плоть ещё как-то держалась сама по себе, здесь всё было ещё хуже – шкура, как показалось девушке, была буквальным образом насажена на несколько деревянных палок, скреплённых между собой металлическими кольцами – по-видимому, конечность сохраняла форму исключительно благодаря данной хитроумной конструкции.

Нэш поднялся на ноги и выпрямился в полный рост, за-

ставив Бекки попятиться. Своим обликом в ту минуту он действительно походил на беса в человеческой плоти, точнее в её остатках. С растрёпанными волосами, обросший приличной щетиной, с ожесточённым выражением лица и сверкающими молниями в глазах, он сказал:

– Всё ещё хочешь знать мои секреты?

Бекки подняла взгляд. Она пребывала в полной растерянности, её губы дрожали. Спустя некоторое время она выдавила:

– Во имя всего святого, – промолвила она, – что это за дьявольское колдовство?

Нэш осмотрел себя, по всей видимости, не сразу поняв вопрос.

– Никакого колдовства. Везение, если подобное можно назвать этим словом.

– Но что… что же с тобой произошло?

– Невезение, – со странной насмешкой в голосе пояснил Нэш. – Неудачное посещение кузницы в возрасте тринадцати лет, я тогда был совсем юный мальчишка. Примерное поведение, строгая одежда, молитва, послушание. В тот день многое изменилось. Впрочем, доктор посчитал, что я родился в рубашке и должен ежеминутно благодарить Господа за столь чудесное выздоровление – в его практике я был первым, кто пережил подобные увечья.

– Он был прав, – с сочувствием воскликнула Бекки. – Ты действительно должен благодарить Господа, уже дважды по-

дарившего тебе жизнь.

– Это так. Но, как видно, без скрывающих тело тканей я не слишком привлекателен, – язвительно намекнул Нэш.

– Прости, – Бекки снова отвернулась.

Нэш видел, как в ней боролись несколько сущностей. Её терзания его забавляли.

– Прости, – повторила она, – я… я не знала. Никто не знал. Мы ду…

– Им и не следует знать. Как им не следует знать о тебе с Бруксом.

Она посмотрела ему в глаза. Нэш не отвёл взгляда – он бросил ей вызов.

– Что произошло между тобой и Гаем? – вновь спросил он.

– Невезение, – быстро пробормотала Бекки, а затем рванулась к деревянному трапу.

– Выходит, чужие тайны ты выведываешь, а про свои молчишь? – крикнул ей вдогонку Нэш.

Бекки, уже почти скрывшаяся за крышкой люка, снова появилась в отверстии и ехидно улыбнулась:

– Я ведь шлюха, но не идиотка.

Проводив девушку глазами, Нэш поднял с пола рубашку. Натянув её на тело, он плотно застегнул пуговицы. Потом подобрал перчатку и снова натянул на протез – так, что искусственная рука стала выглядеть совершенно идентично живой правой, также облачённой в изделие из кожи.

Вспомнив о цели своего визита в трюм, он невольно покачал головой. Таинственный пассажир так и не объявился.

Вечер тем временем близился к ночи, и раздосадованный Нэш отправился, как сказали бы его приятели-моряки с обоих кораблей, «вешать на глаза монетки».

Той ночью Тому снился весьма чудной, абсолютно нетипичный для него сон. Раньше он ничего подобного не видел: ему снились вещи, о которых он ни то что не слышал, но которых при всём богатстве фантазии даже не мог представить.

Сказочные здания и предметы, что не укладывались в воображении.

Волшебные города, каких в действительности не существовало.

Мистические существа, навроде людей, да не совсем люди, а какие-то другие, незнакомые…

Забытые…

***

Двое стройных, необычайно красивых созданий природы стояли посреди залитого светом Зала Таинств.

Выглядели они почти как нынешние люди, только особенно высокого роста. Очень представительные, с идеальными, фантастически симметричными пропорциями тела.

Одно из созданий, чуть выше другого, с длинными светлыми волосами, аккуратно свисающими до плеч, сложением

было похоже на мужчину – под элегантной небесно-голубой мантией, по краям вышитой золотом, просматривался крепкий загорелый торс.

Второе фигурой больше походило на женщину – с изящной, потрясающе тонкой талией, пышными иссиня-чёрными волосами и кофейными глазами на матовом лице.

Оба, помимо роскошных мантий, сотканных из дорогих редких тканей, носили мягкие сандалии из пальмовых листьев. На телах у них было множество украшений: от ожерелий и подвесок до колец и заколок из слоновой кости, украшенных хрусталём и помогавших необычным причёскам сохранить форму.

На запястье у каждого виднелся стеклянный браслет, сделанный ровно по форме и размеру руки – он означал, что двое были союзниками.

Мужчина стоял неподвижно и завороженно смотрел на огромный постамент в самом центре Зала Таинств – на вершине вертикальной колонны, как на своеобразном алтаре, на серебряной подставке возвышался крупный синий кристалл. Он создавал вокруг таинственное свечение, едва заметное глазу, но хорошо ощутимое другими, более тонкими чувствами.

Мужчина почувствовал, как союзница нежно обняла его за плечи.

«Оставь сомнения позади себя, Ха’ань’ин. Ты мудр и как жрец, и как союзник».

«Но я недостаточно мудр, как горожанин».

Их головы соприкасались: они могли шептать и все равно бы услышали, но к чему было использовать голос, если двое и так отлично понимали друг друга, передавая сообщения мысленно. В последние двадцать или даже тридцать лет, на Островах всё реже и реже использовали Общий – он более был ни к чему, ведь даже маленький ребёнок быстро учился коммуникации с помощью энергии.

«Ха'ань'ин, мой любимый и единственный союзник, поверь мне: ты прекрасный горожанин, но не тебе или мне оспаривать политику. Цари вершат судьбу, а жрецам следует только наблюдать её».

На лице Ха'ань'ина проявилась горькая ухмылка.

«Но что если цари заблудились, а жрец видит, что судьба страшна?»

«Судьба потому и называется судьбой, что она есть одна и единственная дорога. Цари вынуждены ступить на неё и пройти так, как уготовило Единство».

– Но это дорога царей, а не простых горожан, – внезапно произнёс Ха'ань'ин на Общем.

Он развернулся и посмотрел женщине в глаза.

– Ты перешёл на язык, – удивилась она, также сказав это вслух. – Почему?

– Грядут перемены, Такий'иа. Мы должны отказаться от праздности и принять жестокую правду – скоро этого не будет. Как ты не понимаешь? Тагапуй'ины обязаны вер-

нуть себе лицо.

Она не ответила.

Ха'ань'ин подошёл к огромному стеклянному витражу, перед ним открылась панорама Города Рождения Царей.

Ха'ань'ин наблюдал за оживлёнными потоками небесной и наземной трасс – тысячи горожан куда-то спешили в своих колёсных и воздушных повозках, проносясь мимо величественных башен квартала Старого города, лавируя между плотно стоящими, не так давно построенными зданиями района Интатис. На пеших платформах тут и там появлялись люди – используя подъёмники, они спускались или поднимались на нужный уровень и продолжали прогулку. Жизнь кипела и глубоко под землёй: там капатрийцы – темнокожие, коренастые, крепко сложенные выходцы из северных земель прокладывали новый тоннель, который должен был соединить Город Рождения Царей или Рождение, как его сокращённо называли горожане, с восточным островом Фаи'та-к'айи.

Ха'ань'ин смотрел за тем, как бесцельно, и вместе с тем абсолютно безмятежно проводили свои последние часы жители Рождения.

Неожиданно он вынул из-под мантии небольшой свёрток пергамента, скрепленный кожаным ремешком, а затем принялся напевать какую-то грустную, монотонную мелодию.

Спустя пару минут он смолк – за стеклом витража показалась птица. Птица походила на голубя, но куда величавее

нынешних, как по форме, так и по окрасу, с выразительной белоснежной головой и острыми, сверкающими, как лезвие ножа серебристо-чёрными крыльями.

Ха'ань'ин приоткрыл небольшую дверцу в нижней части окна и впустил птицу внутрь.

«В последний раз я обращаюсь к тебе за помощью, владыка неба».

Голубь задумчиво посмотрел на мужчину – последний прочитал в глазах птицы скорбь. Он нагнулся и аккуратно прикрепил к маленькой лапке свёрток.

«Теперь лети, друг. Направляйся далеко на запад, куда и в прошлый раз. Оставь посылку в хранилище, как и прежде, а затем следуй своей дорогой. Но только никогда больше не возвращайся на Острова, ты слышишь?»

Птица, как показалось, едва заметно кивнула. Ха'ань'ину на секунду почудилось, что он даже видел слёзы в её глазах. Впрочем, даже если голубь и не мог выразить эмоций визуально или через звук, Ха'ань'ин чувствовал его голос на энергетическом уровне – он отчётливо ощутил, как птица пыталась с ним спорить, отговаривать его, как она возмущалась и протестовала.

«Прости, добрый приятель. Существование – это нить. Однажды наступает день, когда нить слишком запуталась… тогда её остаётся только порвать».

Голубь нежно прижался к мужчине крылом – тот почувствовал его тепло и любовь.

Забавная штука – у него были друзья, союзница, подчинённые жрецы – все они искренне любили его, а он любил их. Это создавало иллюзию согревания, но на самом деле внутри было холодно.

Очень холодно.

Ха'ань'ин ещё раз простился с верным ему до конца пернатым другом, а потом…

…Потом птица взмахнула крыльями и вскоре скрылась за горизонтом.

Жрец отошёл от окна и вновь посмотрел на Такий'ию.

– Не делай того, чего делать не должен, любовь моя, – сказала она на языке.

– Я не знаю, в чём состоит мой долг. Как жрецу мне следует повиноваться слову старейшин…

– Так останься же жрецом, – взмолилась женщина.

– Разве после того, как зайдёт Великое Солнце, это будет иметь хоть какое-то значение?

Он неуверенно подошёл к постаменту с кристаллом и дрожащей ладонью провёл по плите колонны. Постамент оказался подъёмным механизмом – после касания Ха'ань'ина он начал медленно опускаться. Вскоре причудливый светящийся артефакт оказался на уровне рук.

Ха'ань'ин всматривался в кристалл, будто хотел прочитать в нём решение, словно ждал подсказки, как ему следует поступить, от самой природы.

Потом он обернулся. Такий'иа смотрела на него со стран-

ным выражением – казалось, она не верила в то, что должно было произойти, сомневалась в его решимости.

– Да хранит нас Единство, – тихо сказал Ха'ань'ин.

Он уже собирался совершить задуманное, когда в дверях Зала появился ещё один человек.

Закутанный в белую мантию, сопровождаемый тремя юношами в зелёных туниках, мужчина стремительным шагом направился к центру помещения. Остановившись в нескольких метрах от постамента, он громко произнёс:

– Ты не сделаешь этого, Ха'ань'ин.

– Не будь уверен в том, за что ручаться не способен, Каа'ун'той, – жёстко ответил жрец, рука которого уже тянулась к заветному кристаллу.

– Ты ничего не знаешь, брат. Ты всего лишь служитель.

– Я знаю достаточно, – скаля зубы, проговорил Ха'ань'ин. – Я видел истинного тебя, истинных старейшин. Я видел Намуий'ату.

– Ты не понимаешь… – покачал головой Каа'ун'той.

– Нет, дорогой брат, это ты не понимаешь. Я пытаюсь спасти нас!

– Старейшины верили тебе! Совет запретил, но ты… ты…

– Они могли всё исправить, Каа'ун'той. Но они не стали.

– Потому что это погубит нас! – закричал мужчина в белой мантии.

– Бездействие погубит нас куда скорее.

Ха'ань'ин схватился за кристалл и в последний раз по-

смотрел на Такий'ию.

«Я всегда буду любить тебя».

«Послушай брата, союзник мой, доверься своему сердцу!»

Ха'ань'ин улыбнулся.

«Именно оно и ведёт меня…»

Жрец размахнулся и со всей силы швырнул кристалл об мраморный пол. Тот с треском разлетелся на множество мелких осколков.

Затем наступила тьма.

***

В середине июля, обыденным солнечным утром, два пиратских корабля снялись с якоря и, подняв на реях все свои паруса, с началом отлива вышли в море.

Своего рода адмирал этой небольшой эскадры, капитан шхуны «Каприз», англичанин Роберт Хейден, велел экипажу взять курс вест – они пошли в сторону Флориды, где рассчитывали застать множество одиноких торговых судов испанцев, идущих с Кубы. За ними неуклонно следовал шлюп «Кокетка», на борту которого всё было, как и прежде, за исключением двух вещей.

Во-первых, кораблём теперь фактически командовал молодой и амбициозный головорез Гай Брукс, в то время как присутствие Баккера являлось скорее формальностью.

Во-вторых, впервые за последние несколько недель, здесь не было Тома Нэша – ещё одного человека, цель участия которого в рейде была не совсем ясна, и которого на этот раз, по распоряжению Бобби Хейдена, отрядили присоединиться к команде «Каприза».

Нэшу, впрочем, как и ранее на шлюпе, удалось довольно быстро расположить к себе новых знакомых – его навыки и отличное понимание морского дела, не просто хорошо сохранившиеся в памяти, но и порядком подкреплённые недавним опытом, позволили ему заслужить уважение не только среди рядовых джентльменов удачи, но и добиться благосклонности самого Хейдена.

Стоит заметить, что один человек на судне, несмотря ни на что, продолжал относиться к Нэшу с некоторым подозрением, хотя и не демонстрировал этого так явно, как ранее любил делать Брукс – человеком этим был чернокожий квартирмейстер Смол. Томаса однако эта проблема беспокоила не сильно. Поинтересовавшись у других, он убедился, что здоровяк всегда тяжело заводил новых друзей и издавна, особенно по началу, был осторожен с незнакомцами.

Что до Хейдена, он определённо был куда удачливее дряхлого голландца Баккера, и довольно быстро подтвердил своё реноме.

Не прошло и пары суток, как эскадра заметила на горизонте одинокое судно – судя по размерам и очертаниям силуэта, оно явно было не военным, а остальное, даже флаги,

под которыми оно шло, по большому счёту значения не имело – моряки слишком долго были на мели и теперь должны были любой ценой добиться успеха.

Несколько часов спустя, «Капризу» удалось прилично сократить расстояние до цели. На палубе вздохнули с облегчением – торговец шёл под испанским знаменем, – а вместе с тем ещё сильнее разгорелись желанием достать жертву.

– Сан-Хо… Сан-Хоакин, – огласил название судна Хейден, складывая трубу.

Переглянувшись со Смолом, он широко заулыбался. Похлопав приятеля по плечу, Роберт проскочил мимо Нэша, бывшего здесь же, на квартердеке, свесился через перила и пробасил:

– Эва-анс!

Из толпы матросов, уже во всю занятых исполнением ранее отданных квартирмейстером указаний, появился невысокий рыжий ирландец – боцман Джимми Эванс.

– Я!

– Приготовили дерьмо, – отдал приказ Хейден, описав в воздухе пальцем окружность.

Джимми кивнул и скрылся под квартердеком. Капитан развернулся к чернокожему верзиле:

– Смол, давай – ножи, тесаки…

В скором времени уже можно было лучше рассмотреть «Сан-Хоакин». Корабль был типичным испанским галеоном, медленным и неповоротливым крепышом, бывшим

во всех отношениях идеальной целью для захвата. В его просторных трюмах, как смели рассчитывать пираты, хранилось немало драгоценностей. Скоростью и манёвренностью он явно похвастать не мог, а потому уповать испанцам оставалось только на относительно неплохое вооружение – именно оно и представляло для «Каприза» наибольшую опасность.

Будь Бобби Хейден зелёным новичком, он, возможно, и не справился бы с этой проблемой, но команде галеона не повезло – против них был матёрый бандит, вдобавок не менее опытный моряк. Косое вооружение парусов позволяло шхуне идти в довольно крутой бейдевинд[20] – именно это преимущество и собирался использовать Бобби.

Совершив несколько отвлекающих галсов, Хейден вынудил испанца, капитан которого, не в пример англичанину, явно был ещё очень неопытен, лечь на убийственный для него курс против ветра. В результате и без того не самое быстроходное судно, тяжёлый неповоротливый галеон практически встал колом посреди открытого океана, разом потеряв всю скорость. Пока на испанце пытались что-то предпринять, дабы развернуть судно, «Каприз» уже на всём ходу шёл прямо на цель.

---

[20] Бейдевинд (нидерл. Bij de wind) – такой курс парусного судна, когда ветер почти встречный (угол между линией ветра и носом корабля менее 90°).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.